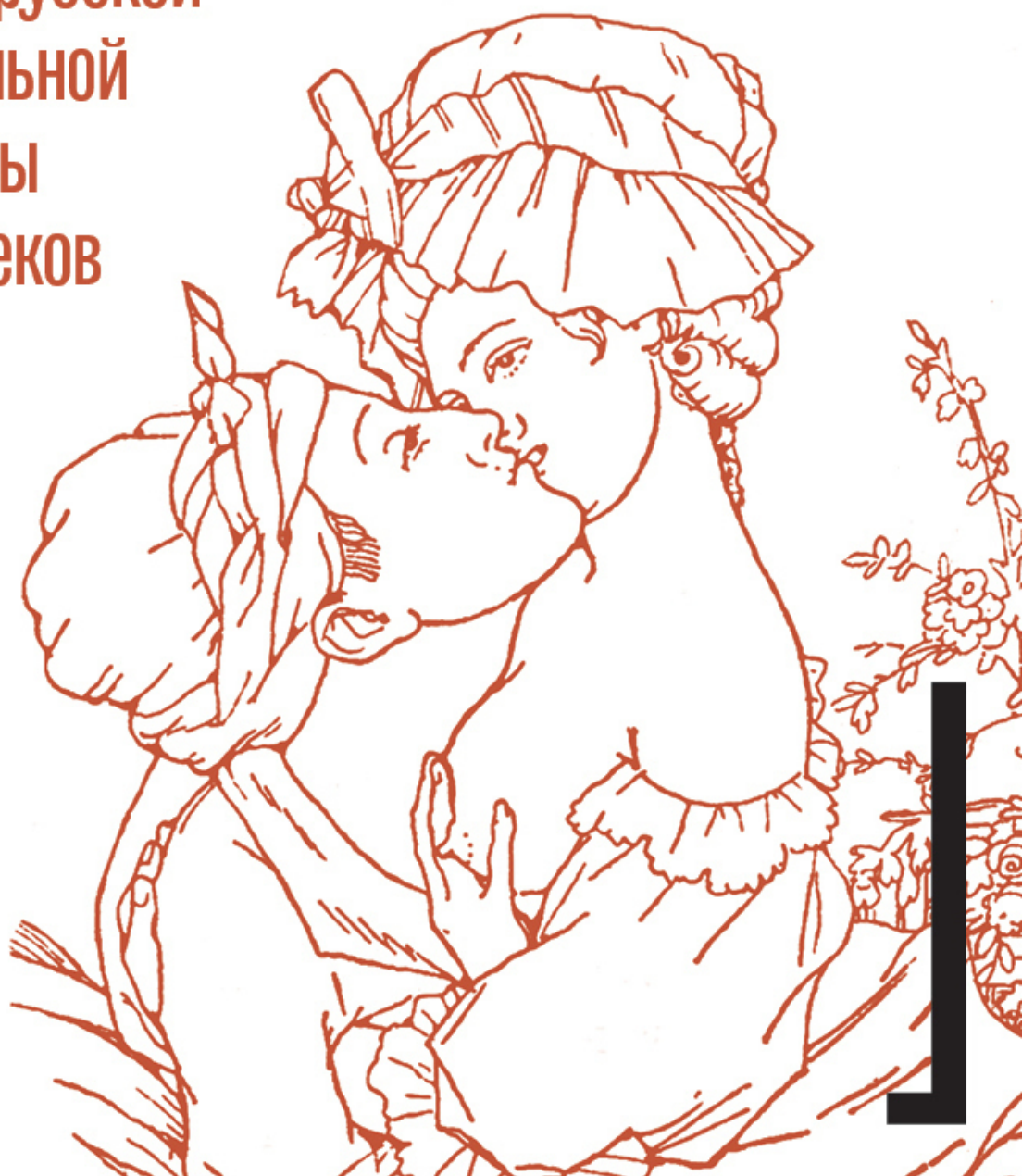

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 1

Н. ПУШКАРЕВА А. БЕЛОВА Н. МИЦЮК

Сметая запреты

Очерки русской
сексуальной
культуры
XI–XX веков

Гендерные исследования

Наталья Пушкарева

**Сметая запреты: очерки русской
сексуальной культуры XI–XX веков**

«НЛО»

Пушкарева Н. Л.

Сметая запреты: очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков / Н. Л. Пушкарева — «НЛО», — (Гендерные исследования)

ISBN 978-5-44-481436-9

Сексуальная жизнь женщин всегда регламентировалась властными и общественными институтами, а отношение к ней многое говорит о нравах и культурных нормах той или иной эпохи и страны. Главный сюжет этой коллективной монографии – эволюция представлений о женской сексуальности в России на протяжении XI–XX веков. Описывая повседневность представительниц разных социальных групп, авторы обращаются к целому корпусу уникальных исторических источников: от церковных сборников наказаний (епитимий) до медицинских формуляров российских родильных домов, от материалов судебных дел до различных эгодокументов. По мнению исследовательниц, интимная сфера жизни связана не только внешними попытками цензурирования, но и ограничениями, которые люди устанавливают для себя сами. В чем было отличие полового воспитания дворянских мальчиков и девочек? Как общество на самом деле относилось к «несоблюдихам» – женщинам, не сохранившим девственности до брака? Как женщины в разное время пытались избежать беременности? Благодаря ответам на эти и другие вопросы мы можем не только понять сексуальную культуру прошлого, но и увидеть те траектории, по которым она будет развиваться в будущем. Авторы книги – А. Белова, Н. Мицюк и Н. Пушкарева, историки и антропологи, члены Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ). Внимание! Книга содержит нецензурную лексику.

ISBN 978-5-44-481436-9

© Пушкарёва Н. Л.

© НЛО

Содержание

История сексуальной культуры в русской дореволюционной науке	7
ГЛАВА I	13
ГЛАВА II	36
Контролируемая сексуальность: матери и дочери в российских дворянских семьях в XVIII – середине XIX века	36
Девичество как этап жизненного цикла российских дворянок	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Н. Пушкарева, А. Белова, Н. Мицюк
Сметая запреты Очерки русской
сексуальной культуры XI—
XX веков Коллективная монография

Светлой памяти И. С. Кона

История сексуальной культуры в русской дореволюционной науке

вместо предисловия

Прошлое обладает реальностью. Но можем ли мы познать его, воссоздав, реконструировав? Проникнуть в мир чувств и переживаний человека ушедшего времени, к чему призывают специалисты по «истории частной жизни»? Ведь люди отдаленных эпох – как понимают теперь не только антропологи, историки, этнопсихологи, но и обычные современные читатели Дж. Фрезера, К. Леви-Стросса, М. Фуко – были гораздо больше похожи на нас внешне, чем внутренне. А внутренне – по способу познания и существования, по системе ценностей и особенностям чувствования – разительно, кардинально отличались. Приблизиться к их пониманию можно, а вот до конца понять...

Стоит ли пытаться? Ведь у историков нет непосредственного контакта с фактами, они имеют дело с источниками, в которых факты уже «отягощены» истолкованием авторов и составителей текстов. Сомнения историков, основанные на отсутствии действительно «чистых» фактов, давно уже озвучены – еще в конце позапрошлого века известный французский исследователь считал, что в прошлом «ничего нет, кроме исписанной бумаги»¹. Эта мысль варьируется и сегодня: «тексты, тексты, ничего, кроме текстов!», «история – это не то, что случилось, это всего лишь то, что рассказывают нам историки»². Написавший последние строки Джулиан Барнс очертил историю так: «Перед нами – гобелен, поток событий, сложное повествование, связанное, необъяснимое... Она больше напоминает хаотический коллаж, краски на который наносятся скорее малярным валиком, нежели беличьей кистью... История мира? Всего только... легенды, старые легенды, которые иногда только как будто перекликаются, причудливые отзвуки, нелепые связи...» Однако именно из легенд и мифов складывается *традиция*, которая наряду с *историческими остатками* (документами) способна многое рассказать исследователю. Не только подшивки газет, тома дипломатической переписки, мемуары или судебные дела, отложившиеся в архивах, способны рассказать об умонастроениях каждой эпохи, но и запримеченные бытописателями и зафиксированные ими черты повседневного быта, порою нелепые (с точки зрения современного человека!) поверия, детали ритуалов и обрядов – короче, все то, что так интересовало этнологов, социальных антропологов, фольклористов буквально с начала возникновения их наук.

Современному исследователю любопытно и важно знать, как воспринимались те или иные явления в прошлом, как интерпретировалась *традиция*, «обрастая» при этом теоретическими построениями, порождая уже не бытовые, но научные знания, убеждения, а зачастую и новые мифы. История всегда существовала как бы в двух измерениях: с одной стороны, как некое объективное знание о прошлом (раскапыванием которого как раз и занимались профессиональные исследователи прошлого) и, с другой стороны, как некий коллективный миф, в котором отобразились идеалы и воплощения низкого и высокого, прекрасного и безобразного, героического и трагического. Изучение этих коллективных мифов, в том числе участия ученых в научном мифотворчестве, и составляет изучение *традиции*.

¹ Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. СПб., 1899. С. 173.

² Барнс Дж. История мира в 10 с половиной главах. М., 1989, см. также: Иностранная литература. 1994. № 1 и № 8. <http://lib.sarbc.ru/koi/INPROZ/BARNS/history.txt>.

В этой традиции – много верного и точного, проверенного и доказанного. Иногда в старых научных книгах можно найти гениальные догадки и интерпретации, полузабытые, но необычайно важные именно сегодня. Порой такие находки заставляют современного исследователя проблемы (если он честен перед самим собой) смущенно вспомнить, что он – отнюдь не пионер в своей области знания, но стоит на «плечах гигантов» – многих и многих предшественников, своими трудами сделавших возможным создание и кажущегося абсолютно новым направления, и фактической основы его разработок. Без собранных когда-то фактов не может быть теоретического рывка – и в этом смысле тоже старые научные труды таят в себе немало открытий...

Однако довольно часто обращение к истории науки порождает сложную цепочку новых исследовательских проблем. Не секрет, что нередко научные мифы рождаются и воспроизводятся не только по причине недостатка информации и несовершенства методов ее обработки и анализа. Подчас они возникают и под воздействием направленных устремлений записывающих их ученых, умышленно или, чаще, неумышленно (под влиянием как личных, так и социальных факторов) искажающих почерпнутую ими информацию. Казалось бы, в силу потери достоверности сообщенной в таких трудах информации они теряют свою значимость. Именно эти причины – в частности, умышленные искажения, связанные с классовой принадлежностью ученых («дворянский историк», «буржуазный исследователь») – лежали в основе непризнания и забвения многих работ и поднятых в них тем в советской историографии.

Лишь в последние годы, в связи с изменением приоритетов в гуманитарном знании и превращением его в «антропологически ориентированное», вместе с постмодернистской терпимостью и интересом к изучению разных трактовок и интерпретаций, отношение к трудам, написанным на заре развития науки, стало очевидно меняться. Обнаружилось, что старые научные труды – это ценнейший источник по истории ментальностей, идей, господствующих в общественном сознании, и идей маргинальных, вытесняемых на обочину идеологий и мировоззрений. Отход от марксистской прямолинейности в оценке процессов развития общественного сознания помог выяснить, что «болезни неточности» возникают не только под влиянием недостатка квалификации, поспешности, ослабления внимания, доверия к собственным знаниям и способности их оценить, неконтролируемой игры воображения, но и (главное!) – под воздействием господствующих «научных» и «уже давно доказанных» выводов, преодолевать которые необычайно сложно, потому что они основаны... на здравом смысле, а он, в свою очередь, на очевидном и потому не требующем специального исследования.

Выяснить, в какой мере это «доказанное», эти предпонятия давили на исследователя, насколько он был самостоятелен или зависим от них, – задача не из легких. Тем более что старая наука – труды ученых XIX – начала XX века – была, казалась бы, более ориентирована на сбор фактов, а не на их истолкование. Из «пяти вопросов науки» – что (как), где, когда, откуда и почему – самым «нелюбимым» оказывается именно последний (почему?)³. Но чтобы понять те или иные скрупулезно описанные процессы, нужно по крайней мере выявить те полузабытые научные труды, которые многим кажутся уже давно устаревшими.

Напомню также, что обращение к истории науки позволяет проследить логику исследования любой темы, ход мыслей автора – для того чтобы не повторять ее и избежать ошибок предшественника или же, наоборот, повторить верный и точный путь и тем самым углубить полученное много лет назад знание. Так или иначе, работа по генерализации собранного много лет назад материала – не только необходимое условие для современных научных разработок, но и путь к осмыслению механизмов формирования научных теорий и обоснованных «наукой» идеологических установок.

³ Бунге М. Причинность. Место принципа причинности в современной науке. М., 1962. С. 283.

Если же абстрагироваться от оценочной стороны старых трудов, то они могут оказаться ценнейшим «вторичным источником» о различных явлениях. Именно в них можно найти ссылки на еще более раннюю литературу, только в них обнаружить описания, которых уже не найти в тех или иных не дошедших до современности книгах и публикациях иного рода. Все это позволяет увидеть в истории науки отнюдь не склад старых и ненужных изданий, но живой источник знаний – как об описанных в них явлениях, так и по истории общественной мысли того времени, когда велась научно-исследовательская работа и было опубликовано то или иное научное сочинение.

Именно с таким, критическим по сути, но уважительным отношением к историографической традиции должны в идеале брать старые журналы и сборники, книги и брошюры исследователи постмодернистской эпохи.

В изучении отечественного прошлого есть немало тем, которые были в какое-то время весьма обсуждаемыми, а потом исчезали из круга исследовательских интересов. Причина этого ясна: историю, как никакую другую науку, все время стремились представить как *magistra vitae* (учительницу жизни, воспитательницу), то есть поставить на службу идеологии и политике. Поэтому абсолютно любую тему в исследовании прошлого можно было рассмотреть как «удобную» или «неудобную» для них.

История сексуальной культуры с самого начала формирования советской исторической науки оказалась в числе «неудобных». Даже в короткий период живого интереса к «половому вопросу» – то есть в 1920-е годы, совпавшие с общей либерализацией публичного дискурса⁴, – научное изучение истории формирования русской сексуальной культуры было подменено идеологической трескотней вокруг темы репродуктивного здоровья и права общества и государства контролировать частную жизнь своих граждан⁵. Идиография (описание особенностей)⁶ сексуальной культуры русских оказалась вне внимания «серьезной» науки, надолго отправившей подобную тематику из области гуманитарного знания – в медицину⁷.

Новый всплеск интереса к изучению истории русской сексуальной культуры, как полагают современные социологи⁸, относится к концу 1980-х годов, поскольку первые попытки обращения к этой теме в эпоху общественной стагнации оказались обречены на неудачу (известному российскому социологу, работы которого имеют международную известность, в настоящий момент возглавляющему Санкт-Петербургский филиал ИСИ РАН С. И. Голоду, бывшему четыре десятилетия назад аспирантом, попросту не дали защитить подготовленную диссертацию; и единственным свидетельством проделанного им тогда труда являются несколько статей и автореферат работы, так и не вынесенной на обсуждение⁹). Не удиви-

⁴ Связь между либерализацией тем публичных обсуждений, в том числе и вопросов пола, с эпохами революционных потрясений была замечена даже классиками марксизма, попытавшимися поставить науку на службу идеологии. См.: *Энгельс Ф. Книга откровения* // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 7.

⁵ *Пушкарева Н. Л., Узенева Е. С.* Статус женщины и этакратический гендерный порядок (гендерный аспект антропологии повседневности в советской и постсоветской России) // *Българска этнология*. 2003. № 4.

⁶ Термин «идиография» появился как конструктивное объединение лексем «идиома» (греч. – особенность) и «графо» (греч. – пишу) в работах германских философов достаточно давно. См.: *Anderle O. Theoretische Geschichte* // *Historische Zeitschrift*. 1958. Hf. 1. S. 28).

⁷ Об интимности как области радикальной реорганизации межличностных связей и переориентации современных исследований сексуальности см.: *Козлова Н. Н.* Гендер и вхождение в модерн // *Общественные науки и современность*. 1999. № 5. С. 172–173.

⁸ *Кузнецова Л. В.* Тенденции сексуального поведения городского населения России на рубеже XIX–XX вв. (социологический анализ). Дис. ... канд. социол. наук. СПб., 1999.

⁹ *Голод С. И.* Город меняет моральные нормы // *Наука и техника* (Рига). 1968. № 11.

тельно, что обращения к ранее «запретной» теме первыми сделали философы¹⁰: они старались касаться этого вопроса в очень общем ключе, не приводить конкретных фактов и не оперировать ими. Первым отечественным исследованием по общим вопросам сексологии стала работа И. С. Кона «Введение в сексологию»¹¹, революционный характер которой трудно переоценить. Именно И. С. Кону первому из российских ученых удалось показать становление сексологии как междисциплинарной области знания, раскрыть биологические, социальные, этнокультурные и психологические закономерности сексуального поведения. Он опирался в своих выводах главным образом на зарубежную литературу. Существенно расширив эмпирическую основу, в последней своей книге о русской сексуальной культуре¹² тот же автор выделил общие исторические тенденции развития этой важнейшей части отечественной культуры. Однако по сей день несколько в тени и, в известном смысле, в безвестности остаются работы первых российских ученых, обративших внимание на различные аспекты истории сексуальности и тем самым проявивших решительность и немалое мужество при выборе данной проблематики для своего исследования.

Речь об ученых XIX – начала XX века – историках, филологах, этнологах, правоведах, врачах. Распространенное сейчас в повседневном обиходе представление о «сексе» связывает с ним чувственное наслаждение в акте телесного общения полов и связанный с ним круг чувств, стремлений и идей. Ученые XIX столетия практически не касались собственно этого аспекта (истории чувственного наслаждения), не использовали термина «секс» и обозначали предмет своего исследования через слова «пол», «чувственная страсть», реже – «любовь», а еще чаще – «непотребство». Стоит напомнить, что лишь в 1802 году «последний летописец» и один из первых и виднейших русских сентименталистов Н. М. Карамзин записал, что в русском языке появилось «новое слово – влюбленность»¹³.

Сексуальность в понимании русских ученых XIX – начала XX века была слабо отделена от репродукции. Образование семей связывалось тогда с хозяйственной или родовой целесообразностью, что предполагало возникновение определенного круга прав и обязанностей, порожденных возникающими социальными и существующими биологическими связями. Не удивительно, что в текстах собранных в данном томе работ мало кто из ученых пытался рассуждать об индивидуальном влечении (любви) мужчин и женщин, их индивидуальных самоощущениях и самочувствиях. Сексуально-эротическая мотивация индивидуального поведения всячески вуалировалась и приглушалась самими же учеными, описывавшими те или иные стороны сексуального поведения своих современников. Хотя исследователи и не отрицали напрямую необходимость легитимации чувственности, все же они не были свободны от воздействия постулатов православной доктрины со всей ее асексуальностью, выступавшей против всего, что создавало чувственное наслаждение, сводившей все богатство сексуальных переживаний индивида к репродуктивной биологии. Потому-то в отношении истории русской сексуальной морали XIX – начала XX века так трудно понять, какие ценности превалировали в самознании самих ученых, изучавших сексуальное поведение, потому так нелегко разграничить их (ученых) повседневные (бытовые) установки и те нормы, которые они должны были утверждать своими исследованиями. Нормы эти вынужденно соответствовали официальной морали того времени, иначе бы данные научные труды могли просто не миновать цензурных препон.

Видение сексуальности сквозь призму задач регуляции репродуктивного поведения, устойчивый гетеронормативизм¹⁴ и отрицание нормальности гомосексуальных отношений,

¹⁰ Гулыга А. В., Андреева И. С. Пол и культура // Философские науки. 1973. № 4. С. 63–69; Андреева И. С. Социально-философские проблемы пола, брака и семьи // Вопросы философии. 1980. № 1. С. 135–143.

¹¹ Кон И. С. Введение в сексологию. М., 1988.

¹² Кон И. С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М., 1997.

¹³ Карамзин Н. М. Моя исповедь // Избранные произведения в 2 томах. Т. 1. М.; Л., 1964. С. 732.

¹⁴ Гетеронормативизм – признание гетеросексуальных отношений единственно нормальными.

жестко негативное отношение к расширению возрастных рамок сексуальной активности, особенно к ранним сексуальным дебютам, мастурбации – все это отвечало общему уровню развития не только российской, но и западноевропейской медицинской и научно-гуманитарной мысли того времени. Если кто-либо из общественных деятелей или ученых того времени и мог выступать с позиций феминизма в вопросе о допущении женщин к высшему образованию или профессиональной деятельности, то в вопросах, связанных с сексуальной сферой, те же сторонники женской эмансипации подчас проявляли себя как сторонники традиционного распределения гендерных ролей и во вполне традиционалистском, патриархатном духе рассуждали о «греховности» или «нравственности» тех или иных проявлений сексуального поведения. Это детерминировало и место истории сексуальности в кругу исследовательских проблем – как правило, даже изучение добрачной и внебрачной сексуальной активности строилось вокруг тем, связанных с анализом изменений в брачно-семейных отношениях, и увязывалось с вопросами популяции/депопуляции.

Особенно это заметно по работам этнологов, которые смотрели на сексуальные отношения в крестьянских семьях глазами самих крестьян, натуралистические же представления последних были мало совместимы с романтической образностью. По словам Ф. Гиляровского, «зачатия и рождения» в народной среде происходили «по аналогии с животными»¹⁵, а дочь выдающегося русского путешественника О. П. Семенова-Тянь-Шанская увязывала «сожителства» с... сытостью и голодом, но никак не индивидуальными эротическими переживаниями¹⁶. Чтение некоторых из работ ученых XIX века, рисовавших картины сексуальной жизни «простого народа», потрясает: они писали свои труды бесстрастной рукой ученых, честно рисуя современные им картины безо всяких прикрас. И картины эти – неантропоморфны, пугающе бесчеловечны, а посему враз излечивают от идеализации полуторавекового прошлого и сетований о деревенском быте, «который мы потеряли». Люди того времени предстают грубыми и чуждыми нам, сегодняшним, по эмоциональной окраске их переживаний¹⁷.

Тем не менее выстроенные в тематическом и хронологическом порядке публикации исследователей «истории чувств» XIX – начала XX века позволяют все же догадаться, какими путями сексуальность медленно и постепенно, но все же отделялась от репродукции, становясь средством эмансипации, областью широкой эмоциональной реорганизации личной, частной жизни. Русская исследовательская традиция в этом смысле развивалась практически в одном русле с европейской: от фиксации тех или иных фактов ученые постепенно переходили к их критическому осмыслению и размышлениям о значимости этой части культуры в общей картине эмансипации и индивидуализации чувственной сферы.

Борьба с репрессивной сексуальной моралью включила к середине XIX века критику буржуазного брака, требование освобождения женщины (поначалу «половой вопрос» был именно вопросом об эмансипации женщины), да и само право ученых обращать исследовательское внимание к отчетливо социальным темам, связанным с сексуальным поведением, таким как сексуальность и брак, сексуальность и бедность, сексуальность и преступность, сексуальность и способы контролирования рождаемости, сексуальность и охрана общественного здоровья, а к концу XIX века – сексуальность и коммерция.

Индивидуализация и плюрализация стилей жизни, конструировавшие новое, буржуазное общество, меняли и множили формы социального контроля за сексуальностью. Отмена

¹⁵ См. подробнее: *Миронов Б. Н.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. // Вишневский А. Г. (ред.) *Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР*. М., 1977. С. 83–104.

¹⁶ *Семенова-Тянь-Шанская О. П.* Жизнь «Ивана» // *Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии*. Т. 39. СПб., 1914. С. 59.

¹⁷ Так, например, описанные этнографами картины наказаний женщинам за прелюбодеяние, когда привязанных к телеге, вымазанных дегтем и вываленных в пуху и перьях голых женщин мужики водили по деревне, нашли отражение в художественной литературе. См.: *Горький А. М.* Вывод // *Горький А. М.* Собр. соч. в 4 т. М., 1978.

крепостного права в 1861 году внесла свои коррективы в образ жизни российского населения как в центре, так и в провинции. То, что считалось вполне допустимым для представителей привилегированных слоев в их отношениях с крепостной челядью и не считалось развратом (сексуальный произвол и насилие в отношении зависимых людей), довольно быстро и подчас неожиданно для представителей «образованного сословия» обрело свою цену и стоимость в домах терпимости. Рост числа последних повлек за собой бурные общественные дискуссии о том, как расценивать такое социальное явление, как проституция, какой видеть «продажную женщину» – олицетворением разврата или же жертвой бедности и социальной несправедливости, Сонечкой Мармеладовой (эту, вторую точку зрения выражает позиция известного юриста А. И. Елистратова, чьи работы приведены в сборнике). Любопытно, что в оценках проституции как социального явления уже тогда проступали гендерные различия ученых и исследователей. Так, известная российская феминистка М. И. Покровская, чьи работы по вопросу о медико-полицейском надзоре над проститутками имели огромный общественный резонанс, настаивала на весьма экстравагантном способе борьбы с этой «социальной язвой». Считая главной причиной распространения проституции сексуальную распущенность мужчин из «высоких слоев общества», она рекомендовала обратить серьезное внимание на их перевоспитание и ориентацию на недопустимость сексуальных отношений до брака и, когда он заключен, вне его.

Резко возросшая социальная и географическая мобильность населения, в том числе развитие отходничества, нарушала «старые добрые порядки»: женатые мужчины оказывались подолгу оторванными от семьи, «соломенные вдовы» заводили себе параллельные семьи. Все эти социальные реалии также требовали правовой регламентации, поэтому и вопросы, связанные с правом женщины на аборт, производством контрацептивов, планированием и ограничением рождаемости, тема борьбы с венерическими заболеваниями оказались в центре обсуждения журналистами и юристами рубежа XIX–XX веков. Интимность становилась областью радикальной реорганизации межличностных связей, что гомологично процессу демократизации публичной сферы.

Трансформации интимности всегда оказывали преобразующее влияние на социальные институты. На данном этапе сексуальность практически отделена от репродукции... Она должна рассматриваться как особая область культуры, средство освобождения (эмансипации), широкой эмоциональной реорганизации личной, частной жизни.

ГЛАВА I

Сексуальная культура допетровской России

от греха к «удовольствию» (XI–XVII вв.)

Изучение сексуальной этики русских, особенно в ранний период – эпоху Средневековья и раннее Новое время, – долго не привлекало внимания российских историков и этнографов. Одним из препятствий было традиционное представление об асексуальности русской культуры и, следовательно, отсутствии самого предмета исследования. К этому добавлялись негласные идеологические запреты на любые публикации, имеющие отношение к эротике, в том числе на исследования исторические, философские и даже медицинские. Свою роль играл и официальный атеизм, мешавший появлению исследований по проблемам религиозной антропологии (в рамках которой и могли быть поставлены проблемы истории сексуальной этики, ведь православные тексты даже самого раннего времени так или иначе касались этой области межличностных отношений). Сами же деятели православной церкви тоже не спешили изучать те стороны эволюции православной концепции семьи и брака, которые касались интимных, чувственных переживаний.

Да что и говорить об историко-сексологической проблематике, если в российской историографии советского времени исследования быта и повседневности допетровской России можно было сосчитать по пальцам, если изучению динамики эволюции форм и типов семейной организации у русских в X–XVII веках оказались посвящены лишь несколько небольших статей! Специалисты-источниковеды, разумеется, знали, что причиной отсутствия исследований по проблемам сексуальной этики православия и, шире, проблем истории повседневности, религиозной антропологии является вовсе не бедность источников. Хотя на первый взгляд, действительно, в отличие от индийской традиции, подарившей миру «Камасутру», или западноевропейского культа Прекрасной Дамы, оставившего мировой литературе лирику трубадуров, – в этико-культурном наследии допетровской России описаний того, как любили наши предки, казалось бы, совсем не было. В древнерусских литературных памятниках отсутствовали эротически окрашенные образы и сюжеты, так что даже русское народное устно-поэтическое творчество, да и сказки (вплоть до конца XVIII столетия) наполнены скорее эвфемизмами, нежели описаниями откровенных сцен.

Как складывалось такое «лица необщее выражение» русской культуры? Что лежало в основе ее труднообъяснимой сексофобии, сохранявшейся несколько столетий? Действительно ли интимно-физиологические стороны жизни людей считались в ней малозначительными? Как и когда возникла лингвистическая ситуация, при которой все, что связано с сексуально-чувственными, телесными переживаниями, оказалось в самом языке практически «неназываемым», за исключением медицинских терминов или инвективной, обценной лексики? Даже задумываться об этом долгое время негласно считалось «ненаучным».

В начале 1990-х, когда прежние идеологические препоны разрушились, исследователи истории семьи, быта, культуры не только признали необходимость изучения историко-сексологических сюжетов, но и начали поиск необходимых источников. Это заставило их обратить внимание на существование в рукописном наследии допетровской России некоторых сравнительно малоиспользуемых памятников церковного происхождения X–XVII веков – требников, молитвенников, сборников епитимий, исповедных вопросов и проповедей, дидактических

текстов¹⁸. Многие из этих памятников до сих пор не опубликованы и потому малоизвестны. Однако именно в них традиционно содержались особые разделы, в которых формулировались запретительные нормы сексуального поведения. Авторы и составители этих дидактических сборников – знатоки норм канонического права, касавшихся интимной жизни людей, – считали своей задачей закрепление в сознании паствы определенных правил, преступление которых означало бы прямой конфликт с Богом и церковью. Скрупулезный анализ этих памятников, сопоставление ранних списков с поздними, выявление локальных особенностей православных этических проповедей, касающихся сексуального поведения, способны раскрыть степень «усвояемости» этических норм, определить силу и форму сопротивления им, найти корни социально-психологических стереотипов маскулинности и феминности в русской культуре.

Изучение канонических текстов допетровской России под углом зрения исторической сексологии было впервые апробировано в 1980-е годы¹⁹. До этого времени исследования по проблемам славянской этносексологии в российской и зарубежной историографии (а они очень немногочисленны) охватывали лишь некоторые стороны сексуального поведения российских крестьян прошлого века и были созданы на этнографических материалах XIX – начала XX века²⁰. Между тем результаты исследований по истории сексуальности в средневековой Московии и России раннего Нового времени оказались небезразличными для многих специалистов. Ими заинтересовались демографы, фамилисты (специалисты по истории семьи), социологи, социопсихологи, а также историки, интересующиеся динамикой социокультурных изменений в истории русских женщин. Сейчас эту междисциплинарную научную проблему можно считать уже признанной в российской историографии, хотя три десятилетия назад она считалась почти столь же «периферийной», как и славянская этносексология. Без понимания роли сексуальной этики в культуре православия, без определения ее характера и факторов, воздействовавших на возникновение тех или иных поведенческих или психологических стереотипов, без попытки сопоставить «норму» и «действительность», демографические (сексуальные в том числе) представления и демографическое (сексуальное) поведение – общая картина социального и семейного положения русских женщин в допетровскую эпоху оказалась бы обедненной и неполной.

Отсутствие долговременной историографической традиции, недостаток источников (которых даже чисто количественно сохранилось меньше, чем в Западной Европе) создают несомненные сложности в разработке проблем истории сексуальной этики в контексте истории женщин в России. Исследователь принужден оперировать лишь косвенными свидетельствами, становясь – если воспользоваться сравнением одного из мировых авторитетов в исследовании истории повседневности, французского исследователя Ж. Дюби – «искателем жемчуга, пыт-

¹⁸ Пушкарева Н. Л. (отв. ред., сост.) «А се грехи злые, смертные...» Вып. 1. Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России X – первая половина XIX в. М.: Ладомир, 1999; «А се грехи злые, смертные». Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX века. Вып. 2-й в 3 книгах. М.: Ладомир, 2004.

¹⁹ Пушкарева Н. Л. Женщина в древнерусской семье (X–XV вв.) // Советская этнография. 1988. № 4; Ее же. Женщины Древней Руси. М., 1989; Levin E. Sex and Society in the World of Orthodox Slavs. 900–1700. Ithaca; London, 1989.

²⁰ Милорадович В. Деревенская оргия. Картинка сельской свадьбы // Киевская старина. 1894. № 12. С. 488–491; Веселовский А. Гетеризм, поборатимство и кумовство в купальской обрядности // Журнал министерства народного просвещения. 1894. № 2. С. 310–316; Демич В. Ф. Очерки русской народной медицины. I. Акушерство. II. Гинекология у народа. СПб., 1889 (отд. отд. из журнала «Медицина»); Никифоров А. Эротика в великорусской сказке // Художественный фольклор. 1929. № 4/5. С. 120–127; Адрианова-Перетц В. Символика сновидений Фрейда в свете русских загадок // Академику Н. Я. Марру. М.; Л., 1935. С. 497–505; Carey C. Les proverbes érotiques russes. Études de proverbes recueillis et non publiés par Dal' et Simoni. The Hague-Paris: Mouton, 1972; Агапкина Т. А. Славянские заговорные формулы по поводу mensis // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. Тез. и предварит. мат-лы к симпозиуму. М., 1988. Ч. 1. С. 81–82; Worobec Ch. Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipation Period. Princeton, 1991. P. 140–146, 201–204 etc.

ливейшим охотником за конкретными, мельчайшими деталями»²¹. Из этих-то разрозненных деталей и приходится составлять более или менее цельную картину.

Сексуальное поведение древних русов, все их изменчивые переживания, оценки, восприятия (все то, что относят к ментальности – неотрефлексированным сознанием жизненным установкам, определяющим поведение представителей разных этносов и социальных групп, в том числе женщин), как и вся их частная, домашняя жизнь и повседневный быт в целом определялись в X–XVII веках двумя главными доминантами. Одной из них были традиции, ритуалы и обычаи, связанные с воспроизводством себе подобных. Другой – с крещением Руси в 988 году стала этическая система православия, проводники и проповедники которой неустанно боролись за то, чтобы все вопросы, связанные с заключением брака, в том числе и с сексуальными контактами внутри и вне его, регулировались лишь нормами церковного права и постулатами православных дидактических сборников.

Сосуществование двух доминант было далеко не идиллическим. Целью православных идеологов было скорейшее «единовластие» – то есть утверждение христианских этических норм, однако искоренение языческой свободы и раскрепощенности (особенно ярко заметных в сексуальных отношениях) происходило отнюдь не столь легко и просто, как того бы хотелось инициаторам культурного броска из варварства в цивилизацию.

Едва ли не первой задачей в регуляции сексуального поведения древнерусской паствы было утверждение венчального брака вместо «поиманий» и «умыканий». Характерной чертой их на Руси с древнейших времен было согласование данного акта с похищаемой («с нею же кто съвещашеся...»)²² – свидетельство проявления частных, индивидуальных интересов женщины в вопросе о выборе сексуального (брачного) партнера. Вопрос о сохранении этой «традиции» (права женщины «съвещаться») – сложнее. Как и в Западной Европе, где в сборниках исповедных вопросов (пенитенциалиях) IX века еще упоминаются казусы умыкания по согласованию с невестой²³, в российских епитимийных сборниках умыкание по согласованию встречается примерно до XIII века. В поздних церковных руководствах для священнослужителей такие сведения не столь часты. Впрочем, в одном из требников XV – начала XVI века, среди поучений священнослужителям, имелся запрет венчать жен, «въсхыщенных от нецех» и «восхотевших» «с въсхытившими брак творити» – косвенное свидетельство того, что заключение браков через похищение все еще оставалось «в поле зрения» духовных отцов²⁴. Скорее всего, умыкание девушек с их согласия сохранилось как брачный ритуал прежде всего в среде «простецов», особенно в северных и зауральских землях, где в крестьянской среде, как доказали исследователи, и в XIX веке браки «убегом» были частым явлением²⁵. Долговременность существования традиции похищения женщины с ее согласия – яркий пример живучести идеи заключения брачного союза на основании личной, в том числе сексуальной склонности и предпочтительности.

²¹ *Duby G.* Le patron d'un grand atelier // *Le Monde*. 14.12.1979. P. 23.

²² Повесть Временных лет по Лаврентьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. 1. Л.: Издательство АН СССР, 1926. С. 13.

²³ Повесть временных лет / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Ч. 1–2. М.; Л., 1950. С. 14; *Блошин В. А.* К изучению брачно-семейных представлений во Франкском обществе VIII–IX вв. // Историческая демография докапиталистических обществ Западной Европы. М., 1988. С. 78–79.

²⁴ Требник XV–XVI вв. // Коллекция рукописей Хиландарского монастыря (Греция), хранящихся в Архиве Государственного университета штата Огайо (Ohio State University. Archive. Collection of Hillandar Monaster (далее – НМ). SMS. № 378. Л. 157 п.

²⁵ *Мищенко Н. А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в.. Новосибирск, 1979. С. 202–225.

Как о том говорят тексты епитимийников (сборников исповедных вопросов с указанием величины и длительности церковного наказания, епитимьи), похищения и «умыкания» предпринимались не только с целью заключения брака и далеко не всегда заканчивались им. Не случайно похищение девушки приравнивалось и в Древней Руси, и позже к принуждению к вступлению в половой контакт, к «осилию», «осквернению»²⁶ и наказывалось как блуд. Термин этот был очень многозначен. В частности, его употребляли, говоря о сексуальных отношениях незамужней и неженатого и вообще о многих видах воспрещенных сексуальных действий («творить блуд созади», «творить блуд во сне», «блудить лицом к лицу»)²⁷. С течением времени он прочно закрепился в нормативной лексике светских и церковных источников²⁸.

«Тайнопоиманье» и «умыканье» девушек зачастую совершалось отнюдь не в тихую и не ночью (как, например, у кавказских народов), а на многолюдных весенне-летних празднествах, устраивавшихся в честь языческого бога «женитвы» Лада. Эти празднества – игрища содержали и в эпоху повсеместного распространения христианских аскетических запретов (XVI–XVII века), а тем более ранее, немало оргиастических элементов: «Егда бо придет самый тот праздник, мало не весь град возьмется в бубны и в сопели... И всякими неподобными играми сотонинскими плесканием и плесанием. Женам же и девкам – главам наживание и устам их неприязнен клич, всескверные песни, хрептом их вихляние, ногам их скакание и топтание. Тут же есть мужем и отроком великое падение на женское и девичье шатание. Тако же и женам мужатым беззаконное осквернение тут же...»^{29, 30}

Посещение «игрищ» нередко заканчивалось для женщин внебрачными сексуальными контактами (которые резко осуждало духовенство и к которым было в целом толерантно общественное мнение)³¹. Для девушек же посещение публичных празднеств весьма часто приводило к «растлению девства». Последнее было особенно неприемлемо для ревнителей православной нравственности. При этом примерно с XV века появилось дифференцированное наказание для тех, кто во время празднества совершил «блуд осилем» (изнасилдовал девушку), и тех, кто пошел на грешное дело по согласованию с партнершей («аще сама изволиша», «аще мигала с ким впадь в блуд»)³². В первом из двух случаев растлителю предлагали вступить с потерпевшей в брак («поять ю») и тем самым «смыть» позор с обесчещенной, которую именовали из-

²⁶ Памятники русского права. Вып. I. М., 1952. С. 259; Вып. II. С. 125, 136 и др.

²⁷ См. подробнее: *Успенский Б. А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // *Studia Slavica*. 1983. № 29. Р. 33–69; 1987. Т. 33. Р. 37–76; *Ефремова Н.* Как любили наши предки // *Эрос*. 1991. № 1. С. 15; *Costlow J., Sandler St., Vowles J.* Sexuality and Body in Russian Culture. Symposium in Amherst. Stanford, 1993. Р. 44.

²⁸ Блудити кого-[либо], – объяснял И. И. Срезневский, «заводить его не туда», приводя примеры однокоренных слов «заблуждение», «заблудиться» (*Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. СПб., 1912. С. 118); В. И. Даль обращал внимание на двоякое значение слова в XIX веке, полагая, что «блуд» в народном значении есть «уклонение от прямого пути», а в «книж.-церк». – «незаконное безбрачное сожительство» (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1953. С. 99); С. И. Ожегов в объяснении термина категоричен – «Блуд. (устар.) – половое распутство» (*Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1973. С. 51).

²⁹ Послание игумена Панфила о купальской ночи // *РО РНБ. Погод*. 1571. Л. 240 – 240 об.

³⁰ В отличие от, например, классической Греции, где на общественные празднества и игры могли ходить лишь незамужние женщины, «мужатицы» на Руси вполне могли принимать участие в игрищах. Закон оговаривал это лишь согласием их мужей на это. За нарушение же мужниного запрета бывать на языческих празднествах, за тайные посещения женщиной игрищ ее супругу предоставлялось право развода с обманщицей. См.: Устав князя Ярослава Владимировича. XII в. // *Памятники русского права. Вып. I. М., 1952. С. 271. Ст. 53 (3–6).*

³¹ Выделение предумышленных преступных актов из группы преступлений типа *dehonestatio mulieris* совершилось не ранее конца XV века. До этого времени суровость наказания зависела только от социального ранга потерпевшей: «аже будет баба в золоте и маги – взяти 50 гривен», 5 гривен – «аже великих бояр дчи», 1 гривна за девушку из среды «меньших бояр». Социальное положение преступника при определении кары тоже поначалу в расчет не бралось. См.: *Пушкарева Н. Л.* Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 144–145; Устав кн. Ярослава Владимировича. XII в. // *Памятники русского права. Вып. I. М., 1952. С. 259–260; Смирнов С. И.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1913. С. 47. Ст. 52. и др.; *Требник XV–XVI вв.* // *НМ. SMS. № 378. Л. 167 п.*

³² *Требник XVI в.* // *НМ. SMS. № 171. Л. 263 левая сторона (далее – л.); Требник XVI в.* // *НМ. BNL. № 246. Л. 162 п.; Требник XV–XVI вв.* // *НМ. SMS. № 378. Л. 148 п.*

за случившегося «убогой». В случае отказа – виновнику грозили отлучением или по крайней мере епитимьей —четырёхлетним постом. Во втором случае духовные отцы рекомендовали ограничиться денежным штрафом в качестве моральной компенсации (правда, весьма значительным – третью имущества!)³³. Разрабатывая систему наказаний для совершивших преступления против нравственности, авторы пенитенциарных кодексов выдвинули в XV–XVI веках особое наказание и для тех соблазнительей, которые добились согласия девушки на вступление в интимную связь «хытростью» – к коей ими относились «клятвы» и «обещани[я]» (вступить в законный брак). Примечательно, что обманувший девушку приравнивался составителями законов к убийце («Хытростию растливший – аще бо уморивший, убийца есть»): ему назначалось девять лет епитимьи³⁴.

Изнасилование девушки, «блуд умолвкой», равно как более или менее продолжительная связь с незамужней молодой женщиной, считалось в православной этике одним из наиболее серьезных нравственных преступлений, ибо невинная девушка стояла в православной «табели о рангах» неизмеримо выше не только «мужатицы», но и «чистой» (то есть не вышедшей второй раз замуж) вдовы. Но как относились к строгим церковным предписаниям те, для кого они предназначались? Прежде всего, обращает на себя внимание сам факт сохранения исповедных вопросов, касающихся добрачных связей, в епитимийниках XVI–XVII веков – молчаливое признание бессилия церкви в борьбе за их воспрещение.

Во-вторых, в вопросе о целомудрии православные проповедники оказались терпимее своих западных коллег (католиков): как ни осуждались в православии добрачные сексуальные связи, но отсутствие девственности не рассматривалось ими как препятствие к заключению брака, за исключением семей священников и великих князей (царей), долженствующих быть образцом для простых мирян³⁵. Широко известен введенный поначалу как ритуал во время царских свадеб, но постепенно проникший и в народные брачные празднества, обычай «вскрывания почестности» невесты. («Молодой объявлял родственникам супруги, как он нашел жену – невинною или нет. Выходит он из спальни с полным кубком вина, а в донышке кубка просверлено отверстие. Если полагает он, что нашел жену невинною, то залепляет то отверстие воском. В противном же случае молодой отнимает вдруг палец и проливает оттуда вино», – так описывал ритуал итальянский посол Барберини в XV веке³⁶.)

Всех, согрешивших до венчания, священники неизменно побуждали к супружеству и взымали лишь небольшой штраф с невесты или ее родителей, «аще замуж пошла нечиста» («аще хто хошет жену имети, юже прежде брака растлит, – да простится ему имети ю, за растление же – запрещение [причащаться] да примет на 4 лета»)³⁷. Позже, в XVIII веке, в крестьянской среде на «девичье баловство» тоже зачастую смотрели снисходительно, по принципу «грех девичий прикроется винцом (венцом. – Н. П.)». Очевидцы свидетельствовали, что очень многие из невест приживали «еще в девках» по одному-двум, а то и по три ребенка, да еще и от разных отцов. Нелегко, полагали крестьяне, уберечь «молодку» от греха, чтобы шла она «как из купели, так и под злат венец», – но это ничуть не мешало стремлению родителей следить за «почестностью» дочери до брака. Если накануне венчания обнаруживалось, что невеста утратила невинность, дело «не рассыхалось»: «вперед не узнато, а может издасса

³³ Требник XV–XVI вв. // НМ. SMS. № 378. Л. 153 л., 162 л., 175 п.

³⁴ Русская историческая библиотека. Т. VI. СПб., 1908 (далее – РИБ. Т. VI.). С. 46, 924 и др.; Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 224. Сн. 28; Описание России неизвестного англичанина. XV в. // Сборник русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1876. С. 186; Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 12.

³⁵ Требник XV–XVI вв. // НМ. SMS. № 378. Л. 158 п.

³⁶ Барберини Р. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 г. // Сын Отечества. СПб., 1842. № 6/7. С. 46.

³⁷ Смирнов А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М., 1877. С. 97; Миненко Н. «Все-прелюбезная наша сожительница...» // Родина. 1994. № 7. С. 106; Ее же. Русская крестьянская семья в Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1979. С. 202–225.

(окажется. – Н. П.) лутше-лутшова», рассуждали крестьяне³⁸. Длительно сохранявшаяся толерантность отношения к добрачным сексуальным связям в русской деревне была связана с традиционно сложившейся структурой ценностей, в которой семейной жизни уделялось одно из главных мест и в которой ценились в первую очередь хозяйственные навыки девушки, а не формальные признаки высокой нравственности (впрочем, уже в XIX веке положение изменилось, и церковный идеал нравственности постепенно превратился в народно-религиозный)³⁹.

Разумеется, в ранние эпохи отношение к добрачным сексуальным связям девушек было в народе не менее, а куда более терпимым. Это следует принять во внимание при определении уровня брачности в допетровской России. По отношению к X–XVII векам он, несомненно, должен был превышать реальное количество церковных браков – тем более что они стали регулярно фиксироваться в церковных метрических книгах лишь после указа 1667 года, причем не сразу и поначалу со стороны священнослужителей очень неаккуратно и неохотно⁴⁰. Хотя добрачные (точнее: «довенчальные») связи и возникающие на их основе половые союзы были недолговечны и непрочны, тем не менее они являлись немаловажным фактором, определявшим избыточные воспроизводственные возможности того времени.

Еще одним аргументом в пользу высокого уровня брачности в допетровской России является возраст начала половой жизни и, следовательно, детородного периода у женщин. Было бы ошибочным определять его лишь по возрасту невесты на момент венчания. Правовая норма православного канонического права определяла предельно-минимальный возраст первого брака для «женщин» в двенадцать лет^{41, 42}. Разумеется, это не означало, что все или даже большинство невест в Древней Руси и Московии вступали в брак в столь раннем возрасте. Низкий брачный возраст наблюдался прежде всего в среде князей и бояр, где – преследуя политические цели – могли выдать замуж совсем маленькую девочку («младу суцу, осьми лет»), «оженить» подростка (будущий царь всея Руси Иван III был «опутан красною девицею» пяти лет от роду). Дети в этом случае отдавались на руки «кормильцам»-воспитателям в новых семьях и до достижения половой зрелости супружеской жизнью не жили⁴³.

У «простецов» возраст вступления в первый брак был, надо полагать, несколько выше, чем у представителей привилегированных сословий. Нелегкие обязанности хозяйки дома в крестьянской семье, вынужденной на равных помогать супругу в работе в поле и на огороде, ходить за скотом и приплодом, – могли выполнять лишь физически крепкие девушки, вполне готовые стать женщинами. Поэтому долгое время в крестьянских семьях существовал обычай отдавать девиц замуж отнюдь не в отрочестве. Однако стремление родителей следовать православной заповеди сохранения невинности до брака постепенно сделало ранние браки женщин в среде «простецов» обычным явлением. Во всяком случае, в XIX веке двенадцати-тринадцатилетние невесты-крестьянки не были редкостью («а было мне тринадцать лет», – признавалась пушкинской Татьяне ее няня, крепостная, выданная замуж по воле родителей и «не слы-

³⁸ Громько М. М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 94–101 (о презрении к «девкам», растлившим девство).

³⁹ Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. Т. V. СПб., 1875. № 102.

⁴⁰ Послание митрополита Фотия XV в. // РИБ. Т. 6. С. 275, 284, 918–919.

⁴¹ ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. Под 1187 г. С. 136; Инок Фомы слово похвальное. Публ. и подгот. текста Н. П. Лихачева. СПб., 1908. С. 37–38, 46, 51; Стоглав. 1551 г. // Российское законодательство. Т. 2. С. 344–349.

⁴² «Достаточно яблока и немного сахара, чтобы она оставалась спокойной», – так записал об одной невесте, дочери старинного князя Владимира Андреевича, Марии, девочкой выданной замуж за 23-летнего герцога Магнуса Г. фон Штаден в середине XVI века. См.: Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. М., 1925. С. 164; низкий брачный возраст для женщин сохранялся в российском законодательстве и в XVIII–XIX веках, в отличие от европейской брачной модели. См.: Najnal J. European Marriage Patterns in Perspective // Population in History. London, 1965. P. 101–143.

⁴³ Земские врачи конца XIX века отмечали, что у 10–17% крестьянских девушек, вступивших в брак, не было даже менструаций. См.: Славянский К. Ф. К учению о физиологических проявлениях половой жизни женщины-крестьянки // Здоровье. СПб., 1874/75. № 10. С. 214. См. также: Миронов Б. Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977. С. 83–105.

хавшая», по ее словам, «в те годы про любовь»). Физически такие невесты, разумеется, были незрелы⁴⁴.

Знарок древнерусского быта Б. А. Романов справедливо видел в ранних браках «противоблудное средство»⁴⁵. Действительно, православные нормы были выработаны в ответ на реально сложившуюся ситуацию – распространенность сравнительно ранних половых связей, которые требовалось «оформить». Возможность «растления девства» «по небрежению», «оже лязят дети [друг на друга или „в себя“] несмыслаче», была и в Древней Руси, и позже, достаточно распространенной. Во всяком случае, вопрос о том, как наказывать родителей за подобные проступки детей, был поставлен в одном из самых ранних покаянных сборников⁴⁶. В XV–XVI веках церковный закон всю вину за добрачный секс возлагал на растлителя: «Аще кто прежде брака [в] тайне или нужою растлит жену и потом законным браком съчтается с ею – блудника познает запрещения: 4 лета едино убо у дверей церковных да плачется»⁴⁷.

Вопрос о неискоренимости блуда, которым духовные отцы готовы были именовать чуть ли не все виды сексуальных прегрешений в древней и средневековой России, сильно занимал идеологов христианской нравственности. «Едино есть бедно избыти в человецех – хотения женьска», – сетовал в связи с рассуждениями о блуде компилятор дидактического сборника «Пчела». Отчаявшись победить это «хотение», проводники и проповедники идеи целомудрия направляли все усилия на то, чтобы ограничить, а по возможности – воспретить распространение «бацилл аморальности» прежде всего среди холостого населения, причем не только юного, но и вполне зрелого, включая вдов и вдовцов. В связи с этой задачей в лексике составителей дидактических сборников примерно с XII века появляется различие между блудом (добрачным сексом, связью холостых, различными девиантами в общепринятой сексуальной ориентации) и прелюбодеянием (супружескими изменами, нарушением обета верности мужа и жены друг другу – так называемой седьмой заповеди – адюльтером прошедших через церковное венчание супругов)⁴⁸.

Иногда слова «блуд» и «прелюбодеяние» использовались как литературные синонимы, но полностью ими не стали⁴⁹. В современной инвективной лексике «блядство» как термин одинаково заменяет слова «блуд» и «прелюбодеяние». В Древней же Руси термин «блядня» был синонимичен прелюбодеянию, родственный ему лексический термин «блядство» – означал блуд, «половую невоздержанность» (И. И. Срезневский)⁵⁰, а слово «блядение» использовалось главным образом как синоним пустословия, болтовни (ср.: нем. разг. «Bla-bla-bla» – болтовня), суесловия, вздорных речей. Ругательного оттенка все перечисленные слова в домосковское время не имели. Не имел его и термин «блядь» – синоним отглагольных («обманщик», «суеслов») и отвлеченных («вздор», «пустяки», «безумие») существительных⁵¹. Пример тому – помимо уже известных – имеется и в известной новгородской грамоте на бересте № 531. Она описывает семейный конфликт, вызванный ростовщическими действиями некой Анны с дочерью, ринувшихся в опасные финансовые операции без ведома хозяина дома, своеземца Федора. Когда тайное стало явным, Федор в сердцах назвал «жену свою коровою,

⁴⁴ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. М.; Л., 1966. С. 189.

⁴⁵ «Мужьску полу нету беды до 10 лет. – А девице? – О том и не спрашивай, легко ее испортить» – См.: РИБ. Т. VI. С. 35. Ст. 49.

⁴⁶ Требник XV–XVI вв. // НМ. SMS. № 378. Л. 158 л.

⁴⁷ Пчела XIV–XV вв. // РГАДА. Ф. 180. № 658/1170. Л. 212 об.

⁴⁸ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1973. С. 535.

⁴⁹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. СПб., 1912. С. 122–123.

⁵⁰ Успенский Б. А. Религиозно-мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Структура текста – 81. Тез. симпозиум. М., 1981. С. 49–53.

⁵¹ Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Studia Slavica. 1983. № 29. С. 33–69.

а дочь блядью» – то есть обманщицей, скрывшей, как выясняется далее по тексту документа, прибыль от своих ростовщических афер⁵².

Инвективный оттенок перечисленные выше существительные и однокоренные с ними глаголы приобрели на Руси не ранее Московского времени. Однако уже в XVII столетии современники отмечали, что «грубые, неуважительные слова», «грязная брань» является характерной чертой повседневного общения россиян⁵³, которых Адам Олеарий имел все основания назвать «бранчливым народом», переводя на свой язык наиболее употребляемые из ругательств и довольно точно транслитерировав их. Если верить Олеарию, к XVII веку слово «блядь» и однокоренные с ним глаголы и прилагательные употреблялись уже только как ругательства и иной смысл утеряли⁵⁴.

Перечисленные Герберштейном и Олеарием инвективные выражения ярко характеризуют русскую культуру описываемого ими времени как культуру с высоким статусом родственных отношений по материнской линии, ибо только в таких культурах большую роль играют оскорбления матери. Упоминание женских гениталий и отправление ругаемого в зону рождающих, производительных органов, символика жеста «кукиш», изображающего женский детородный орган, намек на то, что «собака спала с твоей матерью» (Герберштейн верно отметил аналогичную брань у венгров и поляков), ругательства со значением «я обладал твоей матерью» (в инверсии о распутстве самой матери) – все эти признаки характеризуют особую силу табуированности именно разговоров о матери^{55, 56} и попутно характеризуют значимость «матриархального символизма»⁵⁷.

Сопоставление древнерусской литературной и инвективной лексики, относящихся к сексу и сексуальному поведению, позволяет заметить, что в ранние эпохи в языке существовали слова, обозначающие детородные органы и сексуальные действия, не являвшиеся эвфемизмами и не имевшие в то же время ругательного смысла. В нашем современном языке эти дефиниции уже не употребляются. Между тем в покаянной и епитимийной литературе XII–XVII веков можно обнаружить около десятка наименований половых органов, в частности – женский (мужской) уд (или юд, то есть часть тела, орган), естество, лоно, срамной уд, срам, тайный уд (или удица); все они не считались «скверностями» и употребление их вполне удовлетворяло, вероятно, и составителей текстов, и тех, для кого они писались. В затруднительных ситуациях православные компиляторы использовали греческие термины: вместо русского термина рукоблудие (онанизм) использовалось греческое слово малакия, в запрещениях анального секса вместо «непотребно естество» и «проход» употреблялся греческий термин «афедрон»⁵⁸. Примерно к XVII столетию греческие аналоги все еще использовались в церковных текстах и литературном русском языке, но в его профанном варианте прочно закрепилось

⁵² Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1962–1976. М., 1978. С. 132–134.

⁵³ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 103.

⁵⁴ «Блядин сын, сукин сын, блядь твою мать и другие гнусные слова были лучшими титулами, которыми они неистово приветствовали друг друга... На улице постоянно приходится видеть подобного рода ссоры и бабьи передраги, хотя до побоев дело доходит довольно редко...» (Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 186).

⁵⁵ Isacenko A. V. Un juron russe du XVIe siècle // *Lingua viget. Commentationes slavicae in honorem V. Kiparski*. Helsinki, 1964. P. 68–70; Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965.

⁵⁶ В католических странах большинство ругательств имеет коитальный оттенок, но не обращены к матери; в ряде культур принято обвинять ругаемого в нечистоплотности – и это звучит сильнее обвинений в инцесте или скотоложстве и т. д. – все зависит от области табуирования. См. подробнее: Кон И. С. Введение в сексологию. М., 1988. С. 101–103.

⁵⁷ Существует гипотеза и о том, что матерная брань в русском языке – пережиток магической формулы обращения к богине-матери с просьбой оплодотворить землю. См.: Маторин Н. М. Женское божество в православном культе. М., 1931.

⁵⁸ Требник 1540 г. // НМ. VBI. № 15. Л. 131 л., 430 п.; Требник XVI в. // НМ. BNL. № 246. Л. 375 л.; Требник 1580 г. // НМ. SMS. № 171. Л. 262 л., 273 п. и др.

употребление в связи с сексуальным поведением одной лишь инвективной лексики – блудословья («нечистословья»)⁵⁹.

Общим правилом в систематизации церковных наказаний за употребление бранных слов по отношению к женщинам был – как и в случае с самими прегрешениями и преступлениями данного свойства – учет социального и семейного положения пострадавшей. Оскорбление словом как вид преступлений типа *dehonestatio mulieris* (казус ложного обвинения в блудодействе) упомянуто уже в Уставе князя Ярослава Владимировича (XII век) и абсолютно идентично штрафу за изнасилование: клеветнически обругать женщину распутницей было все равно что совершить подобное обесчещение⁶⁰.

Церковные законы позднейшего времени позволяют сделать еще одно важное наблюдение: наказание за блуд с невинной девушкой было более строгим, чем за прелюбы с «мужатичей». В церковной иерархии ценностей девушка стояла выше тех, кто был в браке или вне его «растлил девство», постольку одной из основополагающих идей в этической системе православия была именно идея сохранения «пречюдной непорочной чистоты», вечной невинности как идеала, доступного избранным («много убо наипаче почтенно есть девство, убо неоженившаяся вышши есть оженившейся», «аще хочет без брака пребывати, не ити замужь – добре есть се»)⁶¹. Исходя из этого нравственного постулата, проповедники причисляли обесчещение девушки, насилие над ней к числу тяжелейших грехов.

Однако исповедные вопросы, «список» которых компилировался исходившими из повседневной практики православными духовными лицами, косвенно свидетельствуют о том, что преступления против чести девушек были весьма распространенным явлением. И совершали подобные проступки не только те, кого исповедальники именовали «прост человек», но и сами лица духовного звания, долженствовавшие в идеале быть образцом для мирян. «Осилие» девушки, совершенное «простецом», каралось, разумеется, не столь строго, сколь преступление, совершенное «мнихом», попом, а тем более епископом (видимо, все же, казусы были, если правовые памятники не исключали этого исповедного вопроса). От четырех до шести лет епитимьи (поста «о хлебе и воде») для простецов, которых авторы требников еще надеялись «оженить» на обесчещенных девушках и тем или иным путем вернуть в лоно церкви, – противостояли многолетней (от двенадцати до двадцати лет) епитимье для черноризцев и священников. Епископа за подобные развратные действия предписывалось немедленно лишить сана⁶².

Еще более строгие моральные взыскания ожидали тех, кто «творил блуд» с обитательницами монастырей. Ранние церковные памятники оставили свидетельства того, что мирские и более того – вакхические соблазны вторгались порою в эти цитадели христианского благочестия: «Иже в монастырях часто пиры творят, созывают мужа вкупе и жены...», «иже пьют черницы с черныцы...»⁶³. Следствия подобных пиров не заставляли себя долго ждать: «невоздержанье, нечистота, блуд, хуленье, нечистословье...», а в результате – наказания и тем, кто «девствовати обещавши, сласти блудни приял», и тем, кто на этот грех их сподвигнул. Особенно греховными в этом случае казались проповедникам «съвокупления» тех, кто должен был являть «добронравие святительского подобия» – то есть черноризцев с монашенками: их «блуд» приравнялся к «кровоместству» (инцесту духовных родственников)⁶⁴. Глубоко без-

⁵⁹ Большой Требник 1540 г. митрополита киевского // НМ. VBI. № 15. Л. 427 л.; Лотман Ю., Успенский Б. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3. С. 148–166.

⁶⁰ Памятники русского права. Вып. I. М., 1952. С. 269; Шапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 207; Российское законодательство XI–XVII вв. М., 1981. Т. 1. С. 126–127.

⁶¹ РИБ. Т. VI. С. 70; МДРПД. Ст. 4. С. 45; НМ. SMS. № 378. Л. 161 п.

⁶² Требник 1540 г. // НМ. VBI. № 15. Л. 432 л.; Требник XVI в. // НМ. BNL. № 246. Л. 160 п.; Требник XV–XVI вв. // НМ. SMS. № 378. Л. 168 п.

⁶³ Правила митрополита Иоанна // РИБ. Т. VI. Ст. 29. С. 16–17.

⁶⁴ Требник XVI в. // НМ. BNL. № 246. Л. 161 л.; Требник XV–XVI вв. // НМ. SMS. № 171. Л. 260 п.; 256 п.; 256 л.; 265 л.;

нравственным не без основания считалось осквернение девушки-«черноризицы»: церковные законы предписывали не пускать такого развратника в храм, ибо он – «сущи убийца есть»⁶⁵.

Усилия древнерусских и средневековых проповедников по утверждению христианских моральных норм в отношении блуда холостых были значительны, но результаты этой деятельности малоудовлетворительны. Поэтому из столетия в столетие в исповедальной и дидактической литературе неизменно присутствовала тема добрачных связей и блуда не вступивших в брак, а потому не подвластных «вождям слепых, наставникам блудящих». Эти «вожди» и «наставники» неоднократно жаловались на страницах своих посланий в «высшие инстанции» (епископу, митрополиту), что молодежь охотно «клянется» на исповедях «блюстися блуда». А на деле – одни «сблюдут како любо», другие – «мало», а третьи вовсе тут же «падают». Чтобы избежать кошмарного промискуитета, некоторые священники «на местах» на свой страх и риск (как епископ Нифонт в XII веке) рекомендовали тем, кто был еще не связан узами брака и безвольно отдался своим «чувствам», по крайней мере, удержаться от частой смены партнеров («аже ся не можещь удержати – буди с единою»)⁶⁶. В то же время священникам было сверхнеобходимо не упускать подобную молодежь и холостых из поля своего зрения, заставляя их признавать недостойность своего поведения, «каяться» и с раскаянием «преставать от блуда». Победа над «блудливостью» холостого приравнивалась к угашению в нем «пламеня огненного»⁶⁷.

В отличие от современных блюстителей нравственности, православные проповедники, говоря о растлении невинных, практически не интересовались возможностью и последствиями соращения юноши опытной женщиной. «Испортить», по их терминологии, могли только невинную девушку. В единственном найденном нами исповедном вопросе о незаконной связи «жены» с отроком (а под термин «отроки» попадали молодые люди добрачного возраста, примерно десять-четырнадцать лет) упомянуто даже меньшее наказание обоим участникам проступка, чем за обычный блуд, – всего шестьдесят дней «сухояста» (поста на хлебе и воде)⁶⁸.

Зато особый круг вопросов о блуде создавали ситуации незаконной связи представителя привилегированного сословия с «рабою» (так именовались в покаянной литературе все девушки и женщины из среды социально зависимого населения). Проще всего для древнерусских компиляторов дидактических сборников было бы следовать в этом деле пожеланиям византийского брачного права, предписывавшего «осподину» освободить ту «рабу», которую он обесчестил⁶⁹. Однако такое требование могло коснуться лишь изнасилования рабыни: казусы «пошибанья» и «осилья» рабынь чужими «осподами» рассматривались как уголовно наказуемое деяние, штрафы за которое росли от столетия к столетию (выплачивались они, разумеется, владельцам «рабынь»-холопок)⁷⁰.

В определении наказаний за интимные связи холопок со своими «осподами» духовные отцы чувствовали себя не столь уверенно. С одной стороны, права владельцев зависимых «хрестьян» давали им возможность распоряжаться их судьбами. В то же время пределы этих возможностей были весьма неопределенны. К тому же на Руси с древнейших времен отсутствовало «право первой ночи», замененное денежной компенсацией в пользу князя еще при

375 л. Требник XV–XVI вв. // НМ. SMS. № 378. Л. 154 п.

⁶⁵ Требник XV–XVI вв. // НМ. SMS. № 378. Л. 175 п.

⁶⁶ РИБ. Т. VI. С. 31, 41, 58–59; Палея толковая 1406 г. // Там же. С. 92–93.

⁶⁷ Требник XV–XVI вв. // НМ. SMS. № 171. Л. 388 п.

⁶⁸ «Могут деу борзе вредити». См.: РИБ. Т. VI. Ст. 49. С. 35; Требник XV–XVI вв. // НМ. SMS. № 171. Л. 265 п.

⁶⁹ Книги законные, ими же годится всякое дело исправляти. Публ. А. С. Павлова // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 38. № 3. СПб., 1858. Ст. 46. С. 73. Подробнее см.: Павлов А. С. 50-я глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права. М., 1887.

⁷⁰ МДРПД. VIII. Ст. 7. С. 51; подробнее об уголовно-правовых аспектах «пошибанья» см.: Пушкарева Н. Л. Социально-правовое положение женщины в Древней Руси // Советское государство и право. 1985. № 4. С. 121–126.

княгине Ольге (середина X века)⁷¹. Весьма тонкой материей представлялось и добровольное грехопадение холопки, и дальнейшее ее сожителство со своим господином: кого и за что здесь было наказывать? В случае если «съвкупление» господина с холопкой завершалось беременностью последней, то вне зависимости от ее дальнейшего поведения («родит дете» или же «прокажит дете в себе», добившись выкидыша), – ее предлагалось освободить⁷². Если на незаконную связь решался схимник – ему не позволялось три года входить в церковь и назначался на это время пост⁷³. На венчание и законное закрепление мезальянса его участники не могли рассчитывать: церковь поначалу вообще пугала, что «от раб ведома жена есть зла и неистова» (то есть не женись на женщине, стоящей ниже тебя по статусу, – получишь сущее исчадие ада).

Однако к XVI веку всевозможные устрашения и запрещения всем решившимся на смешение классовых и социальных различий в браке⁷⁴ сменились толерантным отношением некоторых церковных деятелей к мезальянсам. «Рабу-наложницу име[ющий], или оставит ее, или по закону оженится ею. Аще же есть свободна – да законно поимет ю» – предлагал один из требников московского времени. Принимая в свое лоно бывшую холопку-блудницу, церковный закон строго спрашивал уже с нее – «токмо ли с единым своим господином она совокупляшася»? В случае утвердительного ответа ее разрешалось венчать, а «блудящей с инеми» предписывался решительный отказ («отвержение») – пока не «очистится» поклонами и покаянием⁷⁵.

Судя по сборникам исповедных вопросов, куда более распространенным было сожителство – прелюбы – «осподина» с рабою при наличии у него венчаной жены. Холопок, приживших от господина «чад», называли на Руси меньшецами – вторыми женами. Число вторых, «неофициальных» семей учету не поддается, но их существование оказывало, разумеется, влияние на брачность, рождаемость, детность и иные демографические показатели⁷⁶. Блуд с рабою как пережиток многоженства (или как черта неистребимой склонности мужчин к смене сексуальных партнерш) к XV веку стал представляться одним из наименее значительных и требующих внимания грехов.

Вынести аргументированное суждение о самом многоженстве в допетровской России X–XVII веков трудно из-за отрывочности данных. Известно, однако, что в домонгольский период, до начала XIII века, деятелям церкви время от времени приходилось иметь дело с открытым прямым двоеженством. Пока канонические сборники заверяли прихожан, что жить «бес стыда и срама с двумя женами» означает жить «скотьски» и назначали отлучение от причастия, летописцы пристрастно фиксировали подобные ситуации. О том же говорят и некоторые нормативные памятники⁷⁷, упоминающие, что «друзии (некоторые) наложници водят яве (держат открыто) и детя родят, яко с своею (женою)», что в имуществе умершего главы семьи может возникнуть «прелюбодейна часть», полагающаяся незаконной, не «водимой» жене и детям от

⁷¹ Татищев В. Н. История российская. Т. II. М.; Л., 1963. С. 48–49.

⁷² Требник 1580 г. // НМ. SMS. № 171. Л. 253 л., 267 п.

⁷³ Требник XVI в. // НМ. BNL. № 246. Л. 158 п.; Требник 1540 г. // НМ. VBI. № 15. Л. 431 л.

⁷⁴ Формально даже представителям высших сословий не было дано право нарушать в браке сословные границы, однако, несмотря на это и на поучения о том, что мезальянс ведет ко «злу и неистовству», несмотря на существование правила, по которому женившийся на несвободной терял свой высокий социальный статус и принимал статус жены (чего не происходило в обратной ситуации: при муже-холопе свободная жена и дети от этого брака не всегда могли быть причислены к холопам), – такие браки продолжали существовать. См: Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в Средние века. Очерки демографической истории Франции. М., 1991. С. 196–197; Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 21, 37, 149, 229; РИБ. Т. VI. Ст. 13. «Пчела» (XV в.) // РО РНБ. Ф.п.1. № 44. Л. 184.

⁷⁵ Требник XV–XVI вв. // НМ. SMS. № 378. Л. 151 л.

⁷⁶ Подробнее о меньшецах см.: Pushkareva N. L. Women in the Medieval Russian Family of the Tenth through Fifteenth Centuries // Russia's Women. Accommodation, Resistance, Transformation. Berkley; Los Angeles; Oxford, 1991. P. 32.

⁷⁷ Канонические ответы митрополита Иоанна II // РИБ. Т. VI. С. 18. Ст. 30. С. 69–70; Романов Б. А. Указ. соч. С. 192; ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Под 980 г. С. 34; Т. 2. СПб., 1910 г. Под 1173 г. С. 106; под 1187 г. С. 135–136. Указ князя Всеволода о церковных судах // РЗ. Т. 1. С. 250–254.

нее⁷⁸. В среде «простецов» наличие вторых семей тоже было, в принципе, возможно⁷⁹. Появление же в летописях сообщений о побочных семьях в среде знати вызывалось скандальностью самой ситуации и в то же время ее распространенностью.

О стремлении древнерусских мужчин к сексуальному разнообразию и готовности к частой смене партнерш косвенно свидетельствует и сообщение митрополита Ионы (XV век), ужаснувшегося тому, что – несмотря на запрещение оформлять третьи браки – «инии венчаются незаконно... четвертым и пятым съвкуплением, а инии – шестым и седьмым, олинъ (один) и до десятого...»⁸⁰. В сборниках исповедных вопросов встречаются описание ситуаций группового секса, однако, как правило, между родственниками («аще два брата с единою женою осквернятся или две сестре с единым мужем...»)⁸¹.

Явления полигинии – сравнительно прочных и длительных связей вне основного, венчаного брака, наличия побочных семей – никогда не смешивались в сознании средневековых православных дидактиков с примерами уголовно наказуемых групповых изнасилований (толоки)⁸². Толока, если судить по текстам канонических памятников, зачастую сопровождала упомянутые выше игрища. Эти «компанейские предприятия», да еще нередко и с обманом, не были, однако, обрядовыми. И все же «сама теснота, сам физический контакт тел получал некоторое значение: индивид ощущал себя неразрывной частью коллектива, членом массового народного тела»⁸³. Эти ощущения и переживания были сродни сексуальным и подталкивали к «всеобщему падению». В то же время в ранних памятниках отсутствовали наказания за блуд «двух мужей с единою женою». И это объяснимо: только на первый взгляд подобная форма интимных связей представляется пережитком дохристианской свободы. При более глубоком анализе они могут предстать (и не случайно именно такими и являются в покаянной литературе XV–XVI веков) показателем постепенной индивидуализации и сентиментализации сексуальных переживаний, началом признания в сексуальности (разумеется, не дидактиками, а теми, кто «грешил») самоценного аффективного начала⁸⁴. Примечательно в этом смысле, что исповедный вопрос по поводу рассматриваемого нами казуса обращен к «жене» (если она «сворит» подобное с несколькими мужчинами). И женщина в этом случае, как мы видим, выступает отнюдь не жертвой, а искательницей «сластей телесных».

Тезис о том, что образ женщины как воплощенницы сексуального удовольствия был едва ли не центральным в православной и вообще христианской этике, давно уже стал трюизмом. Большинство отцов церкви, а вслед за ними – составителей учительных текстов, всерьез полагало, что в массе своей женщины изначально более сексуальны, нежели мужчины. На Руси даже библейского Змия-Искусителя изображали подчас в виде женщины-Змеи, фантастического существа с длинными вьющимися волосами, большой грудью и змеиным хвостом вместо ног⁸⁵. Полагая, что в браке именно «жены мужей оболцают, яко болванов», что любая «жена (в данном случае: женщина. – Н. П.) от Дявола есть», авторы проповедей регламентировали

⁷⁸ В западноевропейской литературе в настоящей момент также высказано немало сомнений в том, что «средневековое общество кишело бастардами»; случаи сожительства и побочных семей были, но не они определяли картину. См.: *Toubert P. Le Latium méridional et la Sabine du IX-e s. à la fin du XII-e s. Rome, 1973. P. 780 (Ch. Les structures familiales. P. 693–787).*

⁷⁹ Требник XV–XVI вв. // НМ. SMS. № 171. Л. 267 п.

⁸⁰ Стоглав. 1551 г. Гл. 69 // Российский закон. Т. 2. С. 344–349; Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1841. Т. 1. № 267. С. 498; № 261. С. 491.

⁸¹ Требник 1540 г. // НМ. VBI. № 15. Л. 431 пр.

⁸² «Устав кн. Ярослава Владимировича» (XII век) особо выделял возможность умыкания по согласованию с девушкой («аще кто умолвит к себе» – то есть соблазнит замужеством), закончившегося передачей похищенной пособникам на «толоку». См.: ПРП. Т. I. Ст. 2, 6–7. С. 268; РИБ. Т. VI. Ст. 23–27. С. 62.

⁸³ *Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С. 142.*

⁸⁴ Требник 1580 г. // НМ. SMS. № 171. Л. 257 л.

⁸⁵ *Брюсова В. Г. Русская живопись XVII века. М., 1984. № 115; Brundage J. A. Carnal Delight: Canonistic Theories of Sexuality // Proceedings of the 5th International Congress of Medieval Canon Law. Salamanca, 1976. P. 375–378.*

интимное поведение прекрасного пола с большей строгостью⁸⁶. В многочисленных и разнообразных «беседах» о «женской злобе» (точнее – о зле и «нестовстве», вносимых в жизнь мужчин женщинами), злые жены неизменно представляли (как и в аналогичных западноевропейских текстах)⁸⁷ ярким олицетворением нравственных пороков, «прелюбодейницами», «блудницами», для которых «любы телесныя», то есть физиологическая основа брачного союза, представлялась более существенной, нежели основа духовная. Попытки женщин усилить свою сексуальную притягательность – использование косметики, притираний, нескромные движения – «вихляния» и соблазняющие жесты, в том числе подмигивания – «меганье», – неизменно именовались в православных текстах «дьявольскими», а сами женщины – «душегубицами», «устреляющими сердца» доверчивых мужей⁸⁸.

Разумеется, в канонических сборниках вопрос об удовлетворенности самой женщины в сексуальных отношениях рассматриваться не мог⁸⁹: секс сам по себе уже считался «удовольствием»⁹⁰. Единственным оправданием этого «удовольствия» для женщины – в глазах древнерусских духовников – было частое рождение ею «чад» и пополнение, таким образом, числа благочестивых христиан.

Не только поздний фольклорный материал, выявляющий трезвое отношение крестьян к супружеской сексуальности («Дородна сласть – четыре ноги вместе скласть!», «Легши сам-друг будешь сам-третей», «Спать – двоим-быть третьему», «У двоих не без третьего» – записи XVII века), но и сопоставительный анализ православных назидательных текстов XV–XVII веков, с более ранними, XIII–XIV веков, позволяет ощутить смещение акцентов. Речь идет о постепенном отказе от категорического осуждения любых проявлений чувственных желаний и переходе к вынужденному согласию на их необходимость, медленном избавлении от страха за то, что любовь к ближнему может заслонить главную цель жизни (заботу о спасении души), к вынужденному признанию самоценности супружеской любви. Речь могла идти, разумеется, лишь о любви платонической, не чувственной⁹¹. Один переписчик учительного сборника, полного всевозможных «богоугодных» запретов и воспевающего аскезу, приписал в сердцах на полях: «Горко мене, братие, оучение! Месо велит не ясти, вина не пити, женне не поимати...»⁹²

Действительно, формально интимная жизнь любого человека, в том числе супругов, если она подчинялась церковным нормам, должна была быть далеко не интенсивной. На протяжении четырех многодневных постов, а также по средам, пятницам, субботам, воскресеньям и церковным праздникам «плотногодие творити» было запрещено⁹³. Требование это показало

⁸⁶ Жарты польские, повести, беседки XVII века. Цит. по: *Державина О. А.* Фацеции. М., 1962. С. 45. Требник XV–XVI вв. // НМ. SMS. № 378. Л. 174 л.

⁸⁷ *d'Alverny M.-H.* Comment les théologiens et les philosophes voient la femme // *Cahiers de civilisation médiévale.* XXe siècle. 1977. № 2–3. P. 108–111.

⁸⁸ Требник 1580 г. // НМ. SMS. № 171. Л. 252 п.

⁸⁹ Примечателен сам подход к этому вопросу проповедников, рекомендовавших женщинам «поучаться» «самим себе доволным быти» – в смысле находить удовольствие в самом факте брака, наличия семьи, а не в «похотях телесных». См.: Требник XV–XVI вв. // НМ. SMS. № 378. Л. 159 л.

⁹⁰ «Удовольство от Бога ведано [с] человеком совокуплятися» было противопоставлено Григорием Котошихиным (вторая половина XVII века) «удовольству» принадлежать к царской семье: вторым он объясняет несчастную личную жизнь царевен. Подробнее см.: *Пушкарёва Н. Л.* Женщина, семья, сексуальная этика в православии и католицизме // *Этнографическое обозрение.* 1995. № 5. Из греческих текстов при переводе на Руси изымались все «неполезные» сюжеты и сцены, к которым относились и любовные (см.: *Белобородова О. А., Творогов О. В.* Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 192).

⁹¹ «Иже хулит женащегося или за муже идущую – а они суть добрии и вернии, – да есть проклят!» В учительной литературе XV–XVI веков появились призывы к супругам «здроаво человечество хранити в единой женитьбе суще», уверения в том, что «любовь – суть мира, плод многаа жизнь...». См.: Требник XV–XVI вв. // НМ. SMS. № 378. Л. 168 п., 206 п. – 207 л.; Требник XVI в. // НМ. BNL. № 246. Л. 165 п.

⁹² Требник XV–XVI вв. // НМ. SMS. № 378. Л. 174 л.

⁹³ См., например: *Пушкарёва Н. Л.* Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 86–89; Требник XVI в. // НМ. BNL. № 246. Л. 158 л.; Требник 1580 г. // НМ. SMS. № 171. Л. 250 л., 258 л.

лось одному из путешественников-иностранцев XVII века трудновыполнимым. Да и частые детальные описания нарушения этого предписания (названные в епитимийных сборниках «вечным грехом») создают впечатление о далеко не христианском отношении прихожанок к данному запрету^{94,95}. Отношение к сексу как «нечистому», «грязному» делу заставляло церковных деятелей требовать непременно омовения после его завершения – что совпадало и с элементарными гигиеническими требованиями⁹⁶.

Общим термином для «нормального», вынужденно-разрешенного супружеского секса в древнерусских и московских епитимийниках было «съвокупление». Простота и обычность акта совокупления рано вошла в народную поговорку⁹⁷. Но наказаниями за малейшее отступление от введенной проповедниками «нормы» пестрят тексты всех исповедальных сборников, в частности за «невъзддержание» подобного рода после принятия причастия (50 дней поста) и за соитие в постные дни⁹⁸. Мечтая победить «соромяжливость» (стыдливость) прихожанок, исповедники требовали точной информации обо всех прегрешениях и в то же время, противоречиво сами себе, полагали, что «легко поведовати» может только морально неустойчивая злая жена.

К началу Нового времени отношение к «соромяжливости» женщины ужесточилось. С внедрением церковных представлений о целомудрии стали считаться предосудительными любые обнажения и разговоры на сексуальную тему, а в исповедных сборниках не только не прибавилось казусов и исповедных вопросов, но и имеющиеся были сокращены и унифицированы⁹⁹. Реже стали встречаться запрещения супругам «имети приближенье» по субботам (ранее сексуальные отношения в ночь с субботы на воскресенье вызывали протест церковнослужителей в силу их связи с языческими ритуалами), исчезло требование воздержания по средам и пятницам. Изменилась «мера пресечения» для тех, кто «помыслив» о греховных плотских удовольствиях, не совершил ничего из воображаемого («не сътворил ничто же») – исповедник настаивал вместо прежних многодневных постов всего лишь на сорока земных поклонах¹⁰⁰. Даже за соблазнение во сне предписывалось лишь «помолиться да поклониться» и не налагалось запретов «в олтарь влзати»¹⁰¹.

Регламентация интимной жизни женщин стала менее мелочной, но не менее строгой: так, в XVI веке в назидательных сборниках появилось требование отдельного спанья мужа и жены

⁹⁴ МДРПД. С. 43, 67, 116, 207. Даже (и особенно!) в царской среде этот запрет соблюдался. См.: *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 10; *Miege G.* A Relation of Three Embassies from his Sacred Majestie Charles to the Great Duke of Muscovite, the King of Sweden and the King of Denmark. London, 1969. P. 74; *Алмазов А.* Тайная исповедь православной восточной церкви. Одесса, 1894. С. 273–279. См.: *Flandin J.-L.* Un temps pour embrasser. Paris, 1983. P. 56–57.

⁹⁵ Весьма реалистичным выглядит мнение новгородского епископа Георгия, считавшего, что «добро удержатися», но «аше ли не можета», «не ублююся» – «в своей бо жене нетуть греха» (РИБ. Т. VI. С. 43).

⁹⁶ Отрицали необходимость омовения после супружеской связи лишь еретики, например Феодосий Косой. См.: Об умствованиях Косого. Из «Многословного послания» Зиновия Отенского. Подгот. текста, пер. Я. С. Лурье // ПЛДР. Середина XVI в. М., 1985. С. 235–236.

⁹⁷ В записях пословиц XVII века, сделанных П. К. Симони: «У мужа толсто, у жены широко», «Детина глуп – а пехает все вглубь», «Пехай рогатину в бабью телятину» – см.: С-П. № 555, 719, 1177.

⁹⁸ МДРПД. С. 43, 67, 116, 207.

⁹⁹ Тот же процесс шел на Западе. См.: *Matthews Grieco S. F.* Le retour de la pruderie // *Duby G., Perrot M.* (Dir.) Histoire des femmes en Occident. Paris, 1991. V. III. P. 76. Утверждение А. И. Клибанова о том, что уже в конце XV – начале XVI века «с чувственного опыта была согнана мрачная тень греха» (*Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI в. М., 1960. С. 352), представляется «подтягиванием» России к ренессансному Западу. Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466–1472. М., 1960. С. 63. «Ничто же пред очесы человеческими обнажит еже обыкновение и естество сокровенно имети хочет» (*Епифаний Славянецкий.* Гражданство обычаев детских // Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. М., 1985. С. 330).

¹⁰⁰ Требник XVI вв. // НМ. BNL. № 246. Л. 162 п.; Требник 1580 г. // НМ. SMS. № 171. Л. 263 п. В том числе в случае эротических снов: Там же. Л. 159 п. Если в подобной ситуации окажется поп – наказание 150 поклонов и «да не литургия сает» (то есть служить в такой день он не должен). См.: Там же. Л. 253 л.

¹⁰¹ Требник XVI вв. // НМ. BNL. № 246. Л. 159 пр.

в период воздержания (в разных постелях, а не в одной, «яко по свиньски, во хлеву»)^{102, 103}, непременно завешивания иконы в комнате, где совершается грешное дело, снятия нательного креста¹⁰⁴. В то же время стремление избежать богопротивного дела дома заставляло «неких велми нетерпеливых» супругов и просто «женок» совершать его в церкви. Вероятно, это не казалось средневековым москвитам кощунственным. Об этом говорит и то, что наказание женщин за этот проступок не было строгим¹⁰⁵.

В отличие от Запада, в православных учительных текстах не было и не появилось запрещений «любы телесной, телесам угодной» во время беременности женщины¹⁰⁶. Зато достаточно жестким оставалось введенное еще во времена первых переводных учительных сборников запрещение вступать с женой в интимный контакт в дни ее «нечистоты» (менструаций и шести недель после родов). Несмотря на положительное влияние этой рекомендации на здоровье женщин, «подтекст» ее был отнюдь не гигиенический. Женщина считалась «ответственной» за временную неспособность к деторождению, любое же кровотечение могло означать самопроизвольный или, хуже, специально инициированный аборт (отсюда – требование немедленно покинуть храм, если месячные начались у нее в церкви)^{107, 108}.

Применение контрацепции («зелий») наказывалось строже аборт: аборт, по мнению православных идеологов, был единичным «душегубством», а контрацепция – убийством многих душ¹⁰⁹, поэтому епитимья за нее назначалась на срок до десяти лет. Некоторые клирики полагали, что применение контрацептивов «мужатицами» даже более предосудительно, нежели попытки избавиться от плода случайно попавших в беду незамужних «юнищ»¹¹⁰. Для церковных идеологов не было секретом, что аборт был нередко следствием досадной неосторожности «блудивших» жен, и потому о всех вытравительницах и решившихся на искусственное прерывание беременности говорилось как о безнравственных «убивицах»: «И не испытует» (то есть вопрос – не дискуссионный) заключали они¹¹¹. Любопытно, что контрацепция (в том виде, в каком она была известна в Средневековье) рассматривалась церковными деятелями как безусловное зло по отношению к здоровью самой женщины, а попытки избавиться

¹⁰² МДРПД. С. 51, 65, 241; Алмазов А. Указ. соч. С. 92, 145, 148, 151, 161, 279.

¹⁰³ Раздельное спанье могло быть осуществлено лишь в домах элиты; особо строго к требованию «опочивать в покоях порознь» относились в царской семье (См.: *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 157); простой народ спал «на печи, рядом мужчины, женщины, дети, слуги и служанки, под печами мы встречали кур и свиней» (*Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 203, 222).

¹⁰⁴ Требник 1606 г. // Collection of Printed Slavonic Books. University of Toronto. № 49. P. 671; Русский требник. XVI в. // НМ. ВNL. № 246 (103). Л. 135.

¹⁰⁵ Сексуальный грех в церкви считался даже менее предосудительным, чем «упьянчивый» священник (Памятники старинной русской литературы. Т. IV. СПб., 1862. С. 149). В «Повести о Тимофее Владимирском» юная прелестница совершает в церкви «блудный грех» с исповедующим ее священником: «Не могли терпети разгорения плоти своея», священник, «пал на девицу» прямо в храме, но покался и был прощен митрополитом (Русские повести XV–XVI вв. М., 1958. С. 292–294). За подобное преступление во Франции совершившие его подвергались остракизму и быть «прошены» не могли (*Maurel Ch.* Structures familiales et solidarités lignagères à Marseille au XVe siècle: autour de l'ascension sociale des Forbin // *Annales*: E. S. C. 1986. № 3. P. 680).

¹⁰⁶ *Яковлев В. А.* К литературной истории древнерусских сборников. Опыт исследования «Измарагда». Одесса, 1893. С. 57–59; *Flandrin J.-L.* Un Temps pour embrasser: Aux origines de la morale sexuelle occidentale (VI–XI s.). Paris, 1983. P. 13–15, 82.

¹⁰⁷ Требник 1580 г. // НМ. SMS. № 171. Л. 266 л. (наказание – сто поклонов).

¹⁰⁸ То же в католических странах: *Flandrin J.-L.* Un temps pour embrasser: Aux origines de la morale sexuelle occidentale (VI–XI s.). Paris, 1983. P. 73–82. Однако примечательно: осужденную на казнь женщину в Московии в течение этих шести недель не подвергали наказанию, равно как беременную – до родов и сорок дней после них. См.: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. Л., 1986. № 244. С. 179.

¹⁰⁹ МДРПД. С. 59, 61, 64; РИБ. Т. VI. С. 57; 5 лет епитимья за аборт против 7 лет за контрацепцию: Требник 1656 г. // НМ. SMS. № 170. Л. 89 п.

¹¹⁰ Номоканон сербской редакции. Нач. XVII в. // НМ. SMS. № 628. С. 4 л. – 5.

¹¹¹ Требник 1540 г. // НМ. VBI. № 15. С. 431 л.

от ребенка во чреве – предупреждалось в церковных текстах – могут привести к серьезным нарушениям в организме («омрачение дает уму») и даже смерти вытравительницы¹¹².

Тем не менее женщин, измученных частыми родами и мечтавших «отгять плод», было на Руси немало. Нередко выкидыши случались от выполнения непосильной работы или от побоев домашних («аще муж, риняся пьян на жену, дитя выверже») – в этом случае избавление от плода рассматривалось как несчастье для самой женщины и не наказывалось церковным законом. Напротив, преждевременные роды, случившиеся у женщины от ее «нерадения», от того, что «не чует дете в собе», наказывались как душегубство¹¹³. Дифференцируя степень вины женщин за искусственное прерывание беременности, церковный закон был особенно строг к тем из них, кто решился на аборт на позднем сроке: в умертвленных младенцах им виделись действительно загубленные души («аще зарод еще» – пять лет епитимьи, «аще образ есть» – семь лет, «аще живое» – пятнадцать лет поста)¹¹⁴. Иногда аборт («прокаженье дете в собе») призван был скрыть последствия внебрачной связи – тогда наказание женщины сводилось к году «сухояста» (поста «о хлебе и воде») и десятилетнему отлучению от причастия¹¹⁵.

«Зелия» упоминаются в древнерусских исповедных книгах значительно реже аборт, а об иных способах предохранения на Руси, по-видимому, известно было мало. Так, в травниках XV–XVII веков нет упоминаний о гомеопатических контрацептивах, блокирующих овуляцию¹¹⁶. Аборт и позже был главным средством регулирования рождаемости в деревнях, где все жили по принципу «отцы и деды наши не знали этого, да жили же не хуже нашего»¹¹⁷. Никаких противозачаточных тампонов, кондомов из бычьих кишок и часто использовавшихся – как показали исследования истории сексуальной этики в католических странах Западной Европы – физиологических методов предохранения¹¹⁸ на Руси и в Московии известно не было.

Умелые ворожеи обучали женщин преступной «хытлости», как «спакостить дитя в собе», а исповедники только и успевали выпрашивать прихожанок, «[с]колько убили в собе детей»¹¹⁹. Действия самих «вражаниц», «обавниц», «потворниц», «чародейниц» – всех тех, кого церковники именовали бабами богомерзкими, совершавших, по сути дела, греховное дело или же по меньшей мере провоцировавших на него женщин, – не были включены в список уголовно наказуемых деяний светских законов и крайне редко упоминались в законах церковных. Наиболее распространенной карой за потворничество детоубийству и производство аборт в допетровской Руси было отлучение от причастия на пятнадцать лет и многочисленные поклоны¹²⁰ – в то время как в Западной Европе того же времени эти преступления приравнивались к ведовству и карались очень жестоко (вплоть до сожжения знахарки на костре).

Обращает на себя внимание и то, что церковные деятели относили вопрос о числе деторождений в семье к компетенции исключительно женщин. Конечно, даже в современных семьях, где многие проблемы обсуждаются коллегиально, решение о том, сохранять ли

¹¹² Требник середины XV в. // НМ. SMS. № 77. С. 198 пр. – 200 л.; Требник XV–XVI вв. // НМ. SMS. № 378. Л. 155 л.

¹¹³ Требник 1580 г. // НМ. SMS. № 171. Л. 286 п.

¹¹⁴ Подробнее см.: Пушкарева Н. Л. Женщина в древнерусской семье (X–XV вв.) // Советская этнография. 1988. № 4. С. 23.

¹¹⁵ Требник 1580 г. // НМ. SMS. № 171. Л. 252 п.

¹¹⁶ Кон И. С. Введение в сексологию. М., 1988. С. 110.

¹¹⁷ Мицх Н. А. Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии. СПб., 1890. С. 13.

¹¹⁸ Фландрен Ж.-Л. Семья: родня, дом, секс при «старом порядке» // Идеология феодального общества в Западной Европе: проблемы культуры и социально-культурных представлений Средневековья в современной зарубежной историографии. М., 1980. С. 260–272.

¹¹⁹ Апокрифические молитвы XV в. // Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. С. 355–366. Сборн. рук. Кир.-Белоз. б-ки. XV в. // РО ГНБ. Q.п.2. № 6 / 1083. Л. 112 об.; ПДРЦУЛ. Вып. 2. СПб., 1896. С. 189; Требник 1580 г. // НМ. SMS. № 171. Л. 153 п.

¹²⁰ См., например: Требник 1580 г. // НМ. SMS. № 171. Л. 249 пр.; Требник 1540 г. // НЛ. VBI. № 15. С. 432 п.

ребенка, остается за будущей матерью. Вероятно, и несколько столетий назад, как бы ни беспрекословно было подчинение жены своему супругу, вопрос о том, избавляться от плода или оставлять его, решался ею же. На это указывает отсутствие упоминаний в древнерусских памятниках о *coitus interruptus*, равно как и глухое молчание по поводу роли мужа и вообще мужчины в решении вопроса о числе детей.

Иное дело – интенсивность самой сексуальной жизни брачных пар в Древней Руси, частота разрешенных церковью «съвокуплений». При строгом соблюдении христианских запретов на интимные отношения у женщин (и супругов вообще) в средневековой Руси и Московии Нового времени должно было оставаться не более пяти-шести дней в месяц¹²¹. О культуре эротических приготовлений к интимным отношениям у русов и москвитов X–XVII веков данных почти нет. Известно, что предосудительными были любые обнажения («ничто же пред очесы человеческими обнажит, еже обыкновение и естество сокровенно имети хочет»)¹²², и потому «наложение» бритвы даже на «браду», а тем более волосяной покров в иных частях тела, считалось проявлением «бесстыдства». В этом смысле примечательным представляется замечание тверского купца Афанасия Никитина о женщинах в Индии: их обычай «сбривать не себе все волосы», особенно «хде стыд», показался ему отвратительным¹²³.

Русский фольклор же – в том числе поздний, XIX века – зафиксировал распространенность таких случаев¹²⁴. На основе иконографических (изображения «блудниц») и фольклорных данных можно очертить вкратце и тот тип физического сложения женщины, который считался сексуальным: большая грудь («титки по пуду»), нежная («лилейная») кожа, широкая вагина («с решетом», «стань на край, да ногой болтай»)¹²⁵. Как и у многих народов, у русов и москвитов выражением мужской силы в фольклоре предстал мощный фаллос, однако в некоторых поговорках и присловьях присутствовало разумно-спокойное отношение к его величине: «Маленький кляпок два раза поebet – на то же наведет», «Маленький хуек, а в пизде королек», «Не ложкой, а едоком, не хуем – а ебаком!»¹²⁶ и др.

Главной формой супружеских ласк были, вероятно, поцелуи. Как элемент любовной игры (в том числе супружеской) поцелуй (лобзанье) был издревле известен и ее участникам, и древнерусским дидактикам¹²⁷. Любопытно, что между его типами в сознании средневековых русов существовали определенные отличия. Так, существовал тип поцелуя, схожего с родственным, дружеским, предполагавший прикосновение губами, «дух в себе удержав». Например, широко практиковавшийся в Московии XVI–XVII веках «поцелуйный обряд» (когда среди пира хозяин позволял дорогому гостю поцеловать свою жену и замужних невесток «в уста»)¹²⁸ предполагал выражение через поцелуй эмоциональной расположенности, родственной близости¹²⁹. «Смазанная», весьма сильно трансформированная сексуальность этого ритуала, могущего быть для женщины отнюдь не из приятных, противостояла сексуальности явной, в любовном лобзанье. Если судить по назидательным текстам, любовный поцелуй был

¹²¹ За вычетом многодневных «больших» постов, «постных» дней на неделе – сред и пятниц, а также ежемесячных дней женской «нечистоты». Подробнее о таких подсчетах см.: *Flandrin J.-L. Un temps pour embrasser. Paris, 1983. P. 56–57.*

¹²² Епифаний Славинецкий. Гражданство обычаев детских // Буш В. В. Памятники старинного русского воспитания. Пг., 1918. С. 330.

¹²³ Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466–1472. М., 1960. С. 63.

¹²⁴ «Баба-яга, костяная нога, жопа лилейная, пизда стриженная» (*Carey C. Les proverbes érotiques russes. Études de proverbes recueillis et non publiés par Dal' et Simoni. The Hague; Paris, 1972. P. 44.*)

¹²⁵ *Carey C. Op. cit. P. 57–58.*

¹²⁶ *Ibid. P. 70, 73.*

¹²⁷ У многих народов, в том числе с развитой сексуальной культурой, он отсутствовал или почти отсутствовал. См.: *Нурон К. Культурно-исторический очерк о поцелуях. СПб., 1908.*

¹²⁸ *Олеарий А. Указ. соч. С. 205; Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 147–148; Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. М., 1898. Вып. 4. С. 164.*

¹²⁹ Подробнее о семантике поцелуя см.: *Байбуриш А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета. Л., 1990. С. 51–59.*

отличным от ритуально-этикетного тем, что совершавшие его позволяли себе «губами плюскати» – чмокать, шлепать губами, целуясь открытым ртом. В XVI веке в некоторых покаянных сборниках такой поцелуй именовался «татарским»¹³⁰, а к XVIII веку получил название «французского»¹³¹. Сами отличия терминов – поцелуй и лобзанье, хотя они иногда и использовались как синонимы, – отражают дифференциацию этих слов по смыслу. Этимология корня «цел» – в слове поцелуй, связанная с идеей целостности, свидетельствует о том, что поцелуй нес пожелание быть цельным и здоровым¹³². Этимология слова «лобзанье» – иная, и связывается она с сексуальным подтекстом, глаголами «лизать», «лакать», существительным «лобзь» – губа¹³³. Не случайно этические правила средневекового русского монашества допускали поцелуи дружбы и привязанности, но не допускали лобзанья «мнихом» женщины, в том числе матери¹³⁴.

Авторы исповедных сборников не случайно увязывали лобзанья с греховным «свокуплением»: поцелуи как часть любовных игр возникли у тех народов, сексуальная этика которых предполагала предпочтительность коитуса лицом к лицу, то есть в христианском мире¹³⁵, и не были известны или же почитались малозначительными для многих народов Африки, Азии и Австралии, в том числе этносов со сравнительно развитой сексуальной культурой¹³⁶. У русов же и московитов допетровского времени лобзанье прочно закрепилось в интимном общении как выражение любви или, по крайней мере, сексуального расположения, желания, предпочтения. Представление о взаимосвязи вкусовых и вообще оральных ощущений с сексуальными переживаниями нашло отражение в долговременном бытовании общеславянской свадебной традиции кричать «Горько!» новобрачным, заставляя их целоваться. Обычай именовать поцелуи «сахарными», а уста – «сладкими» также основывается на представлении русов о том, что рот является источником удовольствия, одновременно питательного и сексуального¹³⁷ (что онтологически сопоставимо с актом кормления младенца¹³⁸). Осуждение любовных лобзаний встречается практически во всех православных назидательных текстах не только в связи с их неприкрытой сексуальностью, но также по причине семантической двойственности поцелуев в уста в христианстве – символа не только любви, но и предательства, коварства (Иуда указал на Христа римским воинам, поцеловав его в губы)¹³⁹. Любовные лобзанья как проявление чувственности осуждались деятелями церкви и за то, что грозили опасностью превращения секса из супружеской обязанности («плодиться и размножаться, прославляя имя Божье») во всепобеждающую страсть, способную по силе затмить главное – любовь к Господу и веру в Спасение.

Разумеется, лобзанья супругов и вообще всех грешивших «угождением страстей телесных» осуждались в сборниках исповедных вопросов отнюдь не столь резко, как «все, что чрес

¹³⁰ ПЛДР. Середина XVI в. М., 1985. С. 72; Алмазов А. Указ. соч. С. 166 (наказание – двенадцать дней «сухояста» «о хлебе и воде»).

¹³¹ Герберштейн сообщил, что не только к особым поцелуям, но вообще к «извращенному любострастию» русские приобщились благодаря татарам (*Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 167). В этом отразилось стремление приписывать воспрещенные формы сексуальной практики иностранцам, типичное для многих христианских культур. См. подробнее: *Levin E.* Sex and Society in the World of Orthodox Slavs. 900–1700. Ithaca; London, 1989. P. 175.

¹³² *Лабунская В. А.* Невербальное поведение. Ростов, 1986. С. 18; *Байбуриш А. К., Топорков А. Л.* Указ. соч. С. 52.

¹³³ *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1910–1914. С. 461–462.

¹³⁴ Требник 1580 г. // НМ. SMS. № 171. Л. 272 л.

¹³⁵ Подробнее см.: *Баландин Р.* Два лика эроса // Эрос. 1991. № 1. С. 11.

¹³⁶ *Мюллер-Лиэр Ф.* Фазы любви. М., 1913. С. 92.

¹³⁷ Косвенно об этом (а также об изошренности орального секса) говорят некоторые эротические присловья, упоминающие «хуй с медом» или «лимонную пизду» (см.: *Carey C.* Les proverbes érotiques russes. Études de proverbes recueillis et non publiés par Dal' et Simoni. The Hague; Paris, 1972. P. 54, 56).

¹³⁸ *Ломброзо Ц.* Происхождение поцелуя. СПб., 1895. С. 12, 14.

¹³⁹ *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 122.

естьство съвершено» было. Тем не менее иные формы естественных ласк – объятия, поглаживания и тому подобное – в епитимийниках практически не упомянуты (но есть в фольклоре)¹⁴⁰. Вся сила убеждения и наставления обращалась церковными деятелями к воспрещенным формам соития, «противоестественному» сексу. К нему ими были отнесены и все виды экспериментирования в области методов получения сексуального удовольствия, в том числе сношения более одного раза за ночь¹⁴¹, а также все попытки разнообразить коитальные позиции. Как и в католической Европе, супругам предлагалась лишь одна из них (ныне не случайно называемая «миссионерской»), которую русский народ в эротических поговорках выразил весьма четко: «Глазка вместе, а жьопка нарозно», «Живот на живот – все заживет»¹⁴².

Автор одного из церковных памятников XIV века – «Правила о верующих в гады» – написал целую филиппику в адрес тех, кто позволял женам пользоваться хотя бы временным превосходством над собой во время коитуса – ибо именно так представлялись «пагубные» последствия использования коитальной позиции «на коне» (лицом к лицу, женщина сверху)¹⁴³. За попытки разнообразить таким образом интимную жизнь, проявляя «прилежание любодейское», супруги наказывались длительной епитимьей, от трех до десяти лет поста¹⁴⁴ (и подобная нетерпимость к указанной коитальной позиции была характерна не только для Руси и Московии, но и для католических стран Европы того же времени)¹⁴⁵.

Сравнительно более терпимо составители епитимийных сборников относились к коитусу со спины, весьма точно именуя его скотским блудом или содомским грехом с женою – сорок дней епитимьи и от семи до сорока поклонов (XIII век) были позже (XVI век) заменены всего лишь четырнадцатью днями епитимьи^{146, 147}. Коитус со спины не случайно именовался также безобразным, так как причислялся к совершенному «чрес естьство». Кроме того, покаянная литература XII–XVII веков позволяет выделить различные коитальные позиции при оральном («блуд в непотребно естьство в рот»)¹⁴⁸, а также анальном («блуд чрес естьство в афедрон») сексе. Последние были не менее чем трижды греховными: будучи «противоестественными», они были подобны гомосексуальным контактам (не случайно анальный секс носил в епитимийниках наименование «мужьско» или содомия), да к тому же являлись еще и формой контрацепции. Ко всем этим характеристикам, делающим эти «действия» одинаково осуждаемыми со стороны проповедников и православной, и католической этики супружества¹⁴⁹, добавлялась непоколебимая уверенность древнерусских дидактиков в греховности самих попыток сделать

¹⁴⁰ В народе говорили: «Глазами не уебешь», оправдывая тем самым нарушение всех церковных запретов. В отличие от церковных постулатов, «хорошей женой» считалась не та, что лежала недвижимо во время коитуса, а та что «не дремала», «забавляясь» и «потешаясь». См.: Carey C. *Les proverbes érotiques russes. Études de proverbes recueillis et non publiés par Dal' et Simoni*. The Hague; Paris, 1972. P. 45, 59.

¹⁴¹ Дважды «посягнувший» наказывался долгим постом, трижды – «сухоястом» до года. См.: Требник 1540 г. // НМ. VBI. № 15. Л. 432 л.

¹⁴² С-П. № 210; Carey C. *Op. cit.* 48.

¹⁴³ Правило о верующих в гады. Из русского Номоканона XIV в. // МДРПД. С. 144.

¹⁴⁴ Алмазов А. Указ. соч. С. 146 (наказание: 3 года отлучения, 150 поклонов), 160 (5 лет отлучения), 277 (7 лет отлучения), 282 (10 лет отлучения); Требник XVI в. // НМ. BNL. № 246. Л. 25 пр.

¹⁴⁵ Tentler T. *Sin and Confession on the Eve of the Reformation*. Princeton, 1977. P. 189–192; Brundage J. A. *Let Me Count the Ways: Canonists and Theologians Contemplate Coital Positions* // *Journal of Medieval History*. V. 10. № 2. 1984. P. 86–87.

¹⁴⁶ МДРПД. С. 28; Алмазов А. Указ. соч. С. 145; Kaiser D. *The Transformation of Legal Relations in Old Rus*. PhD. University of Chicago. P. 420.

¹⁴⁷ Все православные епитимьи за сексуальные прегрешения были более мягкими, нежели наказания за те же проступки в ренессансной Венеции. См.: Ruggiero G. *The Boundaries of Eros: Sex Crime and Sexuality in Renaissance Venice*. New York, 1985. P. 118–119.

¹⁴⁸ См. также фольклорные данные у: Carey C. *Op. cit.* P. 51, 127; Алмазов А. Указ. соч. С. 104; Номоканон. XVII в. // НМ. № 305. 24 л.

¹⁴⁹ Payer P. J. *Early Medieval Regulations Concerning Marital Sexual Relations* // *Journal of Medieval History*. 1980. December (№ 6). P. 357–358; Eadem. *Sex and Penetentials. The Development of a Sexual Code. 550–1150*. Buffalo, 1984. P. 29, 118.

интимную жизнь богаче и разнообразнее¹⁵⁰. Однако повседневная жизнь брала свое¹⁵¹, а народная молва утверждала: «хорошая жена на хую не дремлет»¹⁵².

Безусловно противополоственными полагались в исповедных сборниках фелляцио и куннилингус, хотя они упоминались сравнительно редко¹⁵³. Последний порой выставлялся даже в фольклорных произведениях как нечто унижительное для мужчины¹⁵⁴. И все же присловья отразили иное отношение к этим формам ласк. В них, записанных в конце XVII века (и потому, в отличие от поздних записей XIX века, не прошедших «цензуры на нравственность»), запечатлелось по-народному грубоватое, однако вполне толерантное отношение к казалось бы «воспрещенным» формам секса: «Язык мягче подпушной жилы»; «Языком хоть полижи, а рукам воли не давай», «Учил вежеству: подтирай гузно плешью», «Много в пизде сладкого – всего не вылижешь»^{155, 156}.

Между тем в борьбе за чистоту нравственности проводники православной этической концепции старались использовать в своих интересах чисто физиологическую неприемлемость для некоторых женщин анальной и оральной форм коитуса. Рекомендуя («добро советую») таким «женам», победив «соромяжливость», непременно сообщать своим духовникам о всех попытках их партнеров совершить греховное дело («аще насилствует зол муж чрес естество»), церковные деятели не только посылали проклятия на головы незадачливых любителей ярких ощущений, но и прямо призывали к разводу, «разлоучению» с ними¹⁵⁷.

К противоположенным («чрес естество») формам супружеской и внесупружеской сексуальности относились в допетровское время не только оральный и анальный секс, но и мастурбация. В исповедных сборниках XII–XVII веков автофелляция и мужской онанизм («аще кто имеет ся за срамной уд блуд творя», «блуд с собой до испущения») были наказуемы в равной степени, что и женская мастурбация («жена в себе блуд творит») – до шестидесяти дней поста, до ста сорока ежедневных земных поклонов¹⁵⁸. При этом покаянные сборники практически не учитывали возможность использования мастурбации как формы форшпиля в интимной жизни супругов, хотя в текстах многих из них упоминаются не только «персты», которые воспрещалось «влагати» в «срамной уд» жены, но и различные предметы, которые могли использоваться в качестве имитации фаллоса¹⁵⁹. Мало отразилась женская мастурбация и в народном творчестве, хотя в присловьях можно найти немало примеров того, что крестьяне не видели в мужском онанизме ничего предосудительного («Сиди на месте да елду пестуй!», «Пеши ходят,

¹⁵⁰ Требник 1540 г. // НМ. VBI. № 15. Л. 430 п.; Требник 1580 г. // НМ. SMS. № 171. Л. 250 п., 375 л.; Требник XVI в. // НМ. BNЛ. № 246. Л. 158 л.

¹⁵¹ «Приди поутру – жопу вытри, приди опять – жопу отпять, приди к окну – опять воткну» или «Все однако: хоть в гузно, хоть на ево гузном» (С-II. № 587, 891). См. также поговорку, приведенную американской фольклористкой К. Карей: «В среду с переду, в пятницу в задницу» (*Carey C. Les proverbes érotiques russes. Études de proverbes recueillis et non publiés par Dal' et Simoni. The Hague; Paris, 1972. P. 45*).

¹⁵² *Carey C. Op. cit. P. 59*.

¹⁵³ В отличие от западных, католических пенитенциарных книг, см.: *Payer P. J. Op. cit. P. 357–358; P. 358*.

¹⁵⁴ См. в былинном тексте («Она едет своей жопой по его белу лицу, она едет и приговаривает...»): Былины. М.: изд-во МГУ, 1957. С. 59; *Алмазов А. Указ. соч. С. 104, 145–146*.

¹⁵⁵ С-II. 2. № 843, 856, 1128 и др. См. также: *Carey C. Op. cit. P. 71*.

¹⁵⁶ Издание П. К. Симони – единственное российское издание, сохранившее без изъятий некоторые эротические присловья. Еще в XIX веке критики отметили склонность собирателя пословиц «к скабрзностям, высказанным частью в иносказательной форме, а больше напрямки». Второй выпуск присловий, собранных П. К. Симони опубликован не был [См. рецензии А. В. Маркова (Этнографическое обозрение. 1900. № 3. С. 148–152) и А. В. Ровинского (ИОРЯС. Т. 5. Кн. 1. 1900. С. 300–312)].

¹⁵⁷ Печатный потребник 1651 г. // НМ. Toronto University. Archive of Slavonic Books from Kiev. № 191. Л. 638 п. – 639 л.

¹⁵⁸ Требник 1580 г. // НМ. SMS. № 171. Л. 272 п. – 273 п.; Требник XV–XVI вв. // НМ. SMS. № 378. P. 165 п.

¹⁵⁹ *Алмазов А. Указ. соч. С. 192, 275, 279, 282–283 и др.* См. также в эротических присловьях, собранных В. И. Далем и опубликованных К. Карей (например: «Знает: что хуй, что палец»): *Carey C. Op. cit. P. 48*.

в руках плечи носят» и др.)¹⁶⁰. В то же время нередко мастурбировавшая женщина наказывалась меньшей епитимьей, нежели мужчина (всего двенадцатью днями отлучения и шестьюдесятью поклонами)¹⁶¹.

Безусловно наказуемой формой противоестественного секса считалось в допетровской России скотоложество (блуд со скотиною), епитимья за которое была одинаковой и для мужчин и для женщин. Переведенные аналоги византийских пенитенциарных сборников («Правила св. Василия» и тому подобное) назначали за этот грех до пятнадцати лет отлучения от причастия, по сто пятьдесят – двести ежедневных поклонов¹⁶², однако древнерусские деятели церкви считали это сексуальное прегрешение менее серьезным, чем перечисленные выше. Поэтому в нормативных памятниках, составленных собственно на Руси, за то, что «жена некая с четвероногом скотом блуд сътворит», полагался всего лишь сорокадневный пост, а Устав князя Ярослава Владимировича (XII век) назначал и вовсе лишь двенадцатигривенный штраф в пользу митрополита¹⁶³.

В источниках допетровского времени (X–XVII века) практически не упомянуто лесбиянство, хотя гомосексуальные контакты монахов и мирян никогда не выходили из поля зрения церковных дидактиков. Меньшая наказуемость женской однополой любви по сравнению с мужской была характерна и для западноевропейских пенитенциарных кодексов¹⁶⁴. Лесбиянство не имело в Древней Руси и Московии своего наименования (мужской гомосексуализм выражался термином мужелудие, мужеложество), и лишь когда оно переходило в рукоблудие, считалось предосудительным. Ласки же и поцелуи между девочками составляли, как правило, обязательную часть многих народных игр, в том числе предсвадебных (например, в «жениха и невесту»), так что некоторые церковные деятели даже в случае лишения участниц этих игр «девства», назначали за это очень легкое наказание, не сравнимое с обычными случаями добрачного секса¹⁶⁵.

При сопоставлении размеров церковной епитимьи за воспрещенные формы секса бросаются в глаза очень жесткие – по сравнению с перечисленными выше наказаниями за анальный и оральный секс, мастурбацию и тому подобное – кары за инцестуозное общение, к которому относили даже объятия и поцелуи, не говоря уже о «съвокуплениях». Перечисление епитимий за инцест с близкими и двоюродными родственниками составляло едва ли не основную часть любого сборника исповедных вопросов, а запрещения иметь какие-либо отношения с людьми, близкими по родству или свойству до шестого колена, переходили в этих памятниках из столетия в столетие. По подсчетам французских специалистов, подобный запрет исключал вступление в брак с как минимум 10 687 мужчинами и женщинами¹⁶⁶, что было практически невыполнимо исполнить. И все же и на Руси, и в Московии старались соблюдать запрет и не заключать близкородственных браков. Не случайно русские летописи XI–XVI веков не приводят примеров браков между лицами, состоящими даже в двоюродном родстве, что было типично для западной демографической истории¹⁶⁷. В фольклорном же материале тема сексуальных контактов с близкими родственниками и родственницами практически не прослеживается.

¹⁶⁰ С-П. № 590, 895.

¹⁶¹ Алмазов А. Указ. соч. С. 279.

¹⁶² Алмазов А. Указ. соч. С. 277, 283 и др. Конкретно о женском скотоложестве см.: Сборник XVII в. // НМ. ВNL. № 684. Л. 157 п.; Требник XVI в. // НМ. SMS. № 171. Л. 257 л.

¹⁶³ Алмазов А. Указ. соч. С. 144, 147; ПРП. Вып. 2. С. 96.

¹⁶⁴ Brown J. C. *Immodest Acts: The Life of a Lesbian Noon in Renaissance Italy*. New York, 1986. P. 11–13.

¹⁶⁵ Покровская В. Л. История о российском дворянине Фроле Скобееве // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (далее ТОРДЛ). Т. XIX. Л., 1934. С. 422–423; РИБ. Т. VI. С. 62. Ст. 23–24.

¹⁶⁶ Flandrin J.-L. *Familles: Parenté, maison, sexualité dans l'ancienne société*. Paris: Hachette, 1976. P. 31.

¹⁶⁷ Подробнее см.: Puschkareva N. *Sexualbeziehungen im Alten Russland (X–XV Jh.)* // *Jahrbuch Geschichte Osteuropas*. Zurich, 1994. V. 38. Hf. 2; о династических браках и отсутствии в них близкородственных связей см.: Kollmann N. S. *The Boyar Clan*

Для того чтобы искоренить инцест, покаянная литература вводила исключительно строгие наказания не только за родственные венчания, но и за блуд «нецих» с родителями, детьми, сестрами, братьями, шуринами, дядьями, тещей, свекровью и другими «ближиками». Народный юмор, подчеркивая распространенность «от века» сексуальных контактов с родственниками по свойству, свидетельствовал: «Аще кум куму не ебе, не буде у небе»¹⁶⁸. Жестче всего церковью наказывалось вступление в сексуальный контакт сына с матерью или «дщери» с отцом (двадцать лет епитимьи, «их же да избавит господь, да не будет того»)¹⁶⁹, наименьшим злом из всех зол кровосмешательства (за которое «давали» всего пять лет епитимьи) почитались отношения крестных, а также связь зятя и тещи (не по причине ли распространенности подобных ситуаций, когда невесты были малолетними, зачастую едва достигали тринадцати-четырнадцати лет, а их матери еще не выходили из фертильного возраста?)¹⁷⁰. Толока с близкими родственниками каралась теми же епитимьями, что и «съвокупления» двоих грешников: «заповедь та же, аще ли и отец, и сын с единою женою»¹⁷¹.

Пространные тексты древнерусской дидактической и покаянной (исповедной) литературы, донесшие до нас перечисленные выше наказания за различные прегрешения в области супружеских сексуальных контактов, равным образом касались и отношений внесупружеских, называемых в X–XVII веках прелюбами, прелюбодейством. В отличие от блуда, прелюбодейство – по мнению церковных толкователей – совершали те, кто состоял в браке, «мужатицы». Все, совершенное «чрес естество», каралось в случае прелюбодеяния теми же наказаниями, что и в случае блуда, так что неженатые и незамужние «девы» не имели никаких послаблений перед «женками» и «вдовицами».

Супружеская измена была наказуемой сама по себе, даже если форма «съвокупления» была вполне разрешенной, если участники «действия» не нарушали никаких иных запретов, совершали свой грех в разрешенный день, дозволенным способом и даже «детотворения ради». Все решившиеся на адюльтер, вне зависимости от его причин, безоговорочно осуждались и наказывались. Причем в XII веке адюльтер наказывался всего одним годом епитимьи, а в XV веке – пятнадцатью годами¹⁷².

Вся литературная энергия составителей исповедных вопросников была обращена к благочестивым мужьям и женам, которых церковные деятели надеялись убедить в бессмысленности (ибо все «человецы» одинаковы, а «жены» – тем более), а также несомненной предосудительности измен. Узнавший об измене жены муж должен был, согласно церковному закону, непременно наказать ее или развестись с нею, ибо «аже он знает ю таковое твореши и таит» – сам, по словам назидания, становится потворником греху¹⁷³. Однако к женам, живущим с неверными мужьями, церковный закон был строже (яркий пример «двойного стандарта»): «понеже он в блуде живет и другую жену поимет – вина и грех на жене есть, иже пустит мужа своего. Должна бе държати! Аще прелюби творит муж – бо прощенье, жена, оставльщаа его идет за инь муж – любодейца есть. Без всякого извета»¹⁷⁴.

В русских фольклорных текстах, в том числе в присловьях, записанных В. И. Далем, мужгоносец выступает как предмет постоянных насмешек соседей и родственников («Корову ты

and Court Politics: The Founding of the Moskovite Polical System // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1982. V. 23. № 1. P. 5–31; Eadem. The Seclusion of Elite Moskovite Women // Russian History. Columbus (OH), 1983. V. 10. Part 2. P. 170–188.

¹⁶⁸ Алмазов А. Указ. соч. С. 44.

¹⁶⁹ Требник 1540 г. // НМ. VBI. № 15. Л. 431 пр.

¹⁷⁰ Требник XV–XVI вв. // НМ. SMS. № 378. Л. 167 пр.

¹⁷¹ Требник 1580 г. // НМ. SMS. № 171. Л. 260 л.; Требник 1540 г. // НМ. VBI. № 15. Л. 431 пр.

¹⁷² См. подробнее: Лещенко В. Ю. Церковные уставы о постах и нравах в древнерусской среде // Православие в Древней Руси. Л., 1989. С. 91.

¹⁷³ Требник 1580 г. // НМ. SMS. № 171. Л. 176 л.

¹⁷⁴ Там же. Л. 156 л.

держишь, а люди молоко болтают»)¹⁷⁵, чего нельзя сказать об обратных ситуациях. При этом лучшим наказанием за супружескую измену в глазах крестьян были меры физического воздействия, а отнюдь не развод. В то время как церковные нормы убеждали в том, что при любодействе жены и постоянном «учении» ее мужем с помощью побоев, «доброго сужития быть не может», народная поговорка утверждали обратное: «Сколочена посуда два века живет»¹⁷⁶.

Стоит сказать в заключение и о том, как сами прихожане относились к навязываемым им этическим нормам и аскетическим идеалам. Одна из поговорок, записанных В. И. Далем, гласила: «Грех – пока ноги вверх, а опустил – так Бог и простил»¹⁷⁷.

Подводя итоги и оценивая историю складывания сексуальной этики русских за более чем семивековой период, рассмотренную нами в контексте церковно-нормативном и, насколько это было возможно, фольклорном и традиционном, можно прийти к некоторым заключениям, представляющимся немаловажными и для истории российской повседневности, и для истории русских женщин, и для исследования историко-психологических, историко-демографических, социологических и иных аспектов.

Прежде всего, анализ памятников покаянной дисциплины, исповедных и епитимийных сборников, дидактической и вообще церковной литературы с точки зрения не только самих запретов, но и бытования тех или иных «грехов», в борьбе с которыми эти запреты и были составлены, – доказывает, что история развития сексуальной этики русских была частью общей традиции христианской культуры. Постулаты православной этики, касающейся интимных отношений между людьми, во многом перекликались с аналогичными установлениями деятелей католической церкви. Анализ расхождений католической и православной концепций по этому вопросу (а они имелись) – тема особого исследования¹⁷⁸.

Сопоставление некоторых норм православной морали, касающихся внебрачного и брачного секса, с фольклорным материалом позволило найти не только противоречия и расхождения между нормой и реальной жизнью, но и «согласованность действий» между традицией, обычаями и внедряемыми церковью представлениями о нравственности.

Обращение к истории сексуальной этики русских, в том числе к ее начальным страницам, обогащает сложившиеся представления о частной жизни людей, живших за много веков до нас. Она расширяет наши представления о социальном и семейном статусе женщин, чья история, чей внутренний мир и каждодневный быт являются все еще малоисследованными страницами отечественной истории. В то же время анализ представленного выше нормативного и нарративного материала позволяет по-иному взглянуть не только на повседневную жизнь русов и московитов, в которой – за скудостью досуга, тяжестью быта, бедностью духовных запросов – секс был одной из немногих радостей, мало отличной от желания досыта наесться. Те же самые церковные памятники, исследованные под углом зрения истории морали, позволяют найти корни сексофобии советского времени, когда идеологи всерьез полагали, что свобода обсуждения интимной жизни людей может негативно повлиять на становление их жизненных идеалов и ценностей.

Деритуализация культуры, при которой традиционно сложившиеся и навязываемые идеологией механизмы регуляции поведения сходят на нет, десакрализация ряда исследовательских тем, в том числе и истории сексуальной этики, – являются ныне необходимой основой для продолжения аналитического изучения этой важной и многогранной историко-психологической и историко-этнографической проблемы.

¹⁷⁵ С.-П. № 896.

¹⁷⁶ Требник XV–XVI вв. // НМ. SMS. № 378. Л. 156 пр.; Мищенко Н. «Всепрелюбезная наша сожительница» // Родина. 1994. № 7. С. 108.

¹⁷⁷ Carey C. Op. cit. P. 64.

¹⁷⁸ См.: Пушкарева Н. Л. Брак, семья, сексуальная этика в православии и католицизме // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 41–61.

ГЛАВА II

Интимная жизнь русских дворянок в XVIII – середине XIX века

Контролируемая сексуальность: матери и дочери в российских дворянских семьях в XVIII – середине XIX века

Ключевую роль в понимании сексуальной культуры в XVIII – середине XIX века играет изучение гендерной социализации российских дворянок в период девичества в контексте актуальных научных дисциплин: гендерной антропологии, истории повседневности, женской и гендерной истории¹⁷⁹. Анализ субъективных источников (женских писем, дневников, автобиографий, мемуаров), выражающих грань внутриспсихического переживания, сокровенные мечты и страхи, сознательные и бессознательные стратегии действия и вытеснения¹⁸⁰, показывает, что в особенностях прохождения именно этого этапа часто коренилась причина неудач последующих жизненных сценариев. Поэтому принципиально важно проанализировать девичество в дворянской среде в XVIII – середине XIX века через изучение антропологических аспектов женской телесности, сексуальности, особенностей поиска и осознания гендерной идентичности.

¹⁷⁹ Подробнее о соотношении предмета и подходов истории повседневности как одного из направлений в историографии последней трети XX века с женскими и гендерными исследованиями см.: Белова А. В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85–97.

¹⁸⁰ Diekwisch H. Einleitung // Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte / Hrsg. von Berliner Geschichtswerkstatt. Red.: H. Diekwisch et al. Münster, 1994. S. 10.

Девичество как этап жизненного цикла российских дворянок

Девичество относится к тем этапам жизненного цикла женщины, которые широко представлены в научной литературе применительно к разным социальным общностям и эпохам¹⁸¹. При этом изучение «девичества» дворянских девушек в императорской России составляет видимое исключение. Проблема девичества как культурно-антропологического феномена, считавшаяся прерогативой этнографов, не попадала в поле зрения историков, а этнографы, в свою очередь, не интересовались дворянством, не маркируемым ими в качестве носителя традиционной культуры.

В то же время исследовательский «вакуум» применительно к данной проблеме во многом объясняется и квазихрестоматийностью образа «барышни» – излюбленного конструкта русской классической литературы XIX века, – подменявшего своей мнимой очевидностью возможный научный анализ. Усвоенные со школьной скамьи стереотипы, на которые, за неимением других столь же признаваемых образцов, едва ли не до настоящего времени вынуждены были опираться многие поколения российских и советских девушек в процессе осознания собственной идентичности, делают «невидимым» дворянское девичество в России как предмет исторического и этнологического исследования. Литературные образы, будучи репрезентацией «мужского взгляда» на девушку-дворянку, воспроизводили мысли, чувства, переживания, мотивации, которые, с точки зрения авторов-мужчин, якобы должны были быть ей присущи. Меня же будет интересовать, напротив, артикулирование дворянскими девушками себя посредством самопрезентации в письмах и автобиографиях, поиск ими собственной идентичности, но вместе с тем и реализуемый в период девичества механизм социального конструирования гендера.

Девичество – жизненный этап между «детством» и «зрелостью», а фактически замужеством, поскольку в отношении дворянства справедливо утверждение этнографов о решающем значении при определении статуса женщины «в любом слое „доэмансипированного“ общества» разделения ее жизни на добрачную и замужнюю¹⁸². Н. Н. Ланская прямо отождествляла ранний, с ее точки зрения, брак своей семнадцатилетней дочери Н. А. Пушкиной с переходом в возрастную категорию формальной «зрелости» при незавершенности еще процесса собственно «взросления»: «Быстро перешла бесенок Таша из детства в зрелый возраст, но делать нечего – судьбу не обойдешь. Вот уже год борюсь с ней, наконец, покорилась воле Божьей и нетерпению Дубельта. Один мой страх – ее молодость, иначе сказать – ребячество...»¹⁸³

К середине XIX века девушки, достигшие 15 лет, считались «взрослыми барышнями»¹⁸⁴, что свидетельствовало о вступлении их в новую фазу жизненного цикла. Наименование «барышня» имело, помимо возрастной, еще и социальную коннотацию, указывая на девочку

¹⁸¹ Бахтина В. А., Астафьева Л. А. Золотая пора – молодые года // Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 3. Юность и любовь: Девичество. М., 1994. С. 5–18; Бовуар С. де. Второй пол. М.; СПб., 1997. Т. 2. Ч. 1. Гл. 2: Девушка. С. 366–409; Борисов С. Б. Культурная антропология девичества. Шадринск, 2000. С. 1923; *Она же*. Мир русского девичества: 70–90 годы XX века. М., 2002; Дерунов С. Девичья беседа в Пошехонском уезде // Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 3. Юность и любовь: Девичество. М., 1994. С. 492–506; Кабакова Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001. С. 141–151; Муравьева М. Г. Девичество // Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. М., 2002. С. 82–83.

¹⁸² См., например: Листова Т. А. По поводу статьи Т. Б. Щепанской «Мир и миф материнства» // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 32.

¹⁸³ Письмо Н. Н. Ланской к П. А. Вяземскому от 6 января 1853 г. // Друзья Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2 т. М., 1986. Т. II. С. 508.

¹⁸⁴ Ковалевская С. В. Воспоминания детства // Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М.: Наука, 1974. С. 28.

именно дворянского происхождения¹⁸⁵. «Воспитать как барышню»¹⁸⁶ означало «содержать, как должно благородной девушке быть»¹⁸⁷.

В современном обществе «переход от детства к взрослости» в терминах мужской возрастной периодизации делится на три периода: подростковый, отроческий возраст от 11 до 15–16 лет, юношеский возраст от 15–16 до 18 лет, возраст начала самореализации от 17–18 до 23–25 лет¹⁸⁸. Доктор Анна де Кервасдуэ (Dr. Anne de Kervasdoué), констатируя индивидуальность возрастных рамок, ссылается на стандарт Всемирной организации здравоохранения, принимающей за подростковый возраст период с 10 до 19 лет¹⁸⁹.

Традиция соотнесения с 15-летним возрастом поздней стадии взросления восходила еще к XVII веку. Согласно Соборному уложению, «которая девка будет в возрасте, в пятнадцать лет», могла «здавати» свое прожиточное поместье¹⁹⁰, выделяемое ей после смерти отца и представлявшее собой «усадище и к усадищу пашни»¹⁹¹, тому из служивших мужчин, кто принимал на себя обязательства ее «кормить и замуж выдати»¹⁹². Нельзя было претендовать на «девкино прожиточное поместье», если «девка в те поры будет в малых летех меньше пятнадцати лет»¹⁹³. Сами мемуаристки XVIII–XIX веков называли девичество «молодостью»¹⁹⁴ (иногда «юностью»¹⁹⁵), интерпретируя его в контексте формирования собственной идентичности, а себя в этом возрасте – «девушками»¹⁹⁶, «девками»¹⁹⁷, «девицами»¹⁹⁸, «молодыми особами»¹⁹⁹. Условной возрастной границей детства следует считать 12–14 лет^{200, 201}, когда девочки вступали

¹⁸⁵ Там же. С. 14.

¹⁸⁶ См. об этом: Белова А. В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 73; Она же. Повседневность русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX в. (к постановке проблемы) // Социальная история. Ежегодник, 2003. С. 275–276.

¹⁸⁷ Долгорукая Н. Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери г.-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760-е годы). Л.: Худ. лит., 1991. С. 258.

¹⁸⁸ См.: Кон И. С., Фельдштейн Д. И. Отрочество как этап жизни и некоторые психолого-педагогические характеристики переходного возраста // В мире подростка. М., 1980. С. 16–28.

¹⁸⁹ См.: Кервасдуэ А. де. Девочка. Девушка. Женщина. М., 2000. С. 125.

¹⁹⁰ Соборное Уложение 1649 года. Гл. XVI. Ст. 11 // Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / Под ред. Ю. П. Титова, О. И. Чистякова. М., 1990. С. 189.

¹⁹¹ Там же. Ст. 55 // Там же. С. 198.

¹⁹² Там же. Ст. 10 // Там же. С. 188.

¹⁹³ Там же. Ст. 11 // Там же. С. 189.

¹⁹⁴ Долгорукая Н. Указ. соч. С. 258–259; Лабзина А. Е. Воспоминания. Описание жизни одной благородной женщины // История жизни благородной женщины. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 28; Ржевская Г. И. Памятные записки // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 47; Письмо А. П. Керн к П. В. Анненкову от апреля – мая 1859 г. // Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания о Пушкине. М., 1987. С. 150.

¹⁹⁵ Сабанеева Е. А. Воспоминание о былом. 1770–1828 гг. // История жизни благородной женщины. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 335; Щепкина А. В. Воспоминания // Русские мемуары. Избранные страницы (1826–1856). М.: Правда, 1990. С. 394; Бекетова М. А. Шахматово. Семейная хроника // Воспоминания об Александре Блоке. М.: Правда, 1990. С. 413.

¹⁹⁶ Долгорукая Н. Указ. соч. С. 258.

¹⁹⁷ Там же. С. 259.

¹⁹⁸ Дурова Н. А. Кавалерист-девица. Происшествие в России // Дурова Н. А. Избранные сочинения кавалерист-девицы. М.: Моск. рабочий, 1988. С. 34.

¹⁹⁹ Письмо А. П. Керн к П. В. Анненкову от апреля – мая 1859 г. // Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания о Пушкине / Сост., вступ. ст. и примеч. А. М. Гордина. М., 1987. С. 151.

²⁰⁰ Керн А. П. Воспоминания о Пушкине // Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания о Пушкине М.: Сов. Россия, 1987. С. 33; там же. С. 367, 370.

²⁰¹ «...женщина и девочка лет 12 привлекли мое внимание. Красота этого ребенка восхитила меня» (Свербеева Е. А. Дневник 1833 г. // Долгова С. Р. Дневник Екатерины Свербеевой за 1833 год. М., 1999. С. 31). В отличие от мемуаристок, ограничивавших свое детство 12-летним возрастом, встречались и такие, которые разделяли представления о более поздней возрастной границе окончания детства: «Надобно думать, что четырнадцатилетний возраст служит границею и вместе переходом из детства в юношество, и так же, как всякий перелом, имеет свой кризис; что многочисленные шалости мои были как

в пубертатный период и им могла быть присуща характерная для «переходного» возраста своеобразная «неустойчивость» идентичности. Выражая, например, эмоциональную реакцию на одно и то же событие – несправедливое с ее точки зрения наказание («стать в угол»²⁰² за чтение книги, что было «строго-настроено запрещено» без предварительного прочтения ее гувернанткой²⁰³), – юная дворянка в этом возрасте воспринимала себя одновременно то как «большую двенадцатилетнюю девицу», то как «бедную маленькую девочку»²⁰⁴. «Кавалерист-девица» Н. А. Дурова (1783–1866) считала, что с 14 до 16 лет она дважды переживала своего рода смену идентичности: от «Ахиллеса в женском платье»²⁰⁵ к «скромному и постоянному виду, столько приличествующему молодой девице»²⁰⁶ и обратно²⁰⁷. Для мужской части дворянства в ряде случаев взросление девушки ознаменовывалось ее «вступлением в свет» («Ты скоро принесешь в большой с собою свет, / твой ум, – твою красу – твои пятнадцать лет»²⁰⁸), что означало ее превращение в потенциальную невесту.

Возрастные рамки девичества, сильно варьиовавшие в разных странах и в разные эпохи в зависимости от изменения принятого возраста вступления в брак²⁰⁹, не отличались постоянством и в дворянской России в исследуемый период. В целом можно говорить о распространенности раннего замужества дворянок, причем вплоть до 1780-х годов обычный для них возраст начала матримониальных отношений – 14–16 лет²¹⁰ (иногда даже 13 (!)²¹¹), на рубеже XVIII–

будто прощальною данью летам детства, проведенным большей частью в слезах и угнетении» (Дурова Н. А. Некоторые черты из детских лет // Дурова Н. Русская амазонка: Записки. М.: Захаров, 2002. С. 27–28); «Была я в то время девочка 13 или 14-ти лет...» (Фредерикс М. Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс // Тайны царского двора (из записок фрейлин): Сборник. М.: Знание, 1997. С. 291); «...она, большая 14-тилетняя девочка...» (Ковалевская С. В. Воспоминания детства // Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М.: Наука, 1974. С. 30).

²⁰² Там же. С. 34.

²⁰³ Там же. С. 32.

²⁰⁴ Там же. С. 34–35.

²⁰⁵ Дурова Н. А. Кавалерист-девица. Происшествие в России // Дурова Н. А. Избранные сочинения кавалерист-девицы. М.: Моск. рабочий, 1988. С. 33.

²⁰⁶ «...я увидела себя в другой сфере... назначение женщин не казалось уже мне так страшным, и мне наконец понравился новый род жизни моей» (Дурова Н. А. Избранные сочинения кавалерист-девицы. М.: Моск. рабочий, 1988. С. 35).

²⁰⁷ «Обольстительные удовольствия света, жизнь в Малороссии и черные глаза Кирияка, как сон, изгладились в памяти моей; но детство, проведенное в лагере между гусарами, живыми красками рисовалось в воображении моем. Все воскресло в душе моей! Я не понимала, как могла не думать о плане своем почти два года!» (Дурова Н. А. Избранные сочинения кавалерист-девицы. М.: Моск. рабочий, 1988. С. 39).

²⁰⁸ Гр. Гр. Са...в. Авдотье Павловне Голенищевой-Кутузовой ноября дня 1809го года // ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1115. Альбом Е. Голенищевой-Кутузовой. Л. 32.

²⁰⁹ Муравьева М. Г. Девичество // Словарь гендерных терминов. М., 2002. С. 82.

²¹⁰ Например, графиню Н. Б. Шереметеву (1714–1771) «в церкви венчали» с И. А. Долгоруким (1708–1739) «в 16 лет» (Долгорукая Н. Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери г.-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (172–1760-е годы). Л.: Худ. лит., 1991. С. 265–266). По сообщению А. П. Керн, ее бабушка Агафоклея Александровна, урожденная Шишкова (ум. 1822), «вышла замуж очень рано, когда еще играла в куклы, за Марка Федоровича Полторацкого» (1729–1795) (Керн А. П. Из воспоминаний о моем детстве // Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания о Пушкине. М.: Сов. Россия, 1987. С. 354–355). «Девицу Катерину Романову» Воронцову (1743/1744 – 1810) отец «сговорил в замужество» за князя М. И. Дашкова (1736–1764) «на 16-м году» жизни (см.: Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. М., 1983. С. 8–9). Мемуарист Н. И. Андреев (1792–1870) вспоминал о браке своего отца: «Женился он в 1784 году Июня 17-го на дочери дворянина Мягкова, Елене Васильевне, которой тогда не более было 14 лет» (Андреев Н. И. Воспоминания // Русский архив. 1879. Т. 3. С. 173).

²¹¹ А. Е. Лабзина, урожденная Яковлева (1758–1828), вспоминала, что, когда «положена была свадьба» ее с первым мужем, А. М. Карамышевым (1744–1791), ей «было тринадцать лет» (Лабзина А. Е. Воспоминания. Описание жизни одной благородной женщины // История жизни благородной женщины. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 27). Александра Михайловна, урожденная Каверина (1751–1834), стала женой А. Т. Болотова (1738–1833) также в 13 лет. О сходных последствиях в эмоциональной и сексуальной сферах столь ранних браков дворянок см.: Глаголева О. Е. Горькие плоды просвещения: три женских портрета XVIII века // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история. М., 2003. С. 300–323. В статье «Русские женщины-писательницы» публицистка, критик, беллетристка М. К. Цебрикова (1835–1917) писала, имея в виду провинциальных дворянок XVIII века до открытия «институтов для благородных девиц», то есть до 1764 года: «...забота о нравственности заставляла выдавать дочерей замуж с 12–14 лет; понятно, что вышедшие замуж в таком возрасте

XIX веков – 17–18²¹², к 1830-м годам – 19–21²¹³. Во второй четверти XIX века уже встречались первые браки, заключенные в более зрелом возрасте – в третьем и даже четвертом десятилетиях жизни дворянок²¹⁴. Несмотря на действовавшую на протяжении XVIII – середины XIX века тенденцию к более позднему замужеству дворянок, условные границы нормативного брачного возраста были жестко закреплены в сознании современников обоого пола. В 1840-е годы в мужском литературном дискурсе по-прежнему можно встретить отражение традиционных стереотипных представлений о подходящих возрастных пределах выхода замуж. Например, Д. Григорович в нравоописательном рассказе «Лотерейный бал» замечал в отношении одной из героинь: «Любочка, старшая из них (сестер. – А. Б.), перешла уже за пределы невесты: ей около 27 лет...»²¹⁵ Еще более определенно господствовавшие общественные представления высвечивались в женской литературе. Н. А. Дурова в повести «Игра судьбы, или Противозаконная любовь» так характеризовала возраст героини: «...я увидела уже Елену Г*** невестою; ей был четырнадцатый год в половине»²¹⁶. При этом мать героини в разговоре с мужем озвучивала расхожие взгляды того времени (повесть была опубликована в 1839 году) на нормативный брачный возраст: «А знаешь ли ты, что нынче девица в осьмнадцать лет считается уже невестой зрелой, а в двадцать ее и обходят, говоря: ну, она уже не молода, ей двадцать лет!»²¹⁷ Даже если Дурова и утрировала, ментальные стереотипы в отношении своевременности замужества дворянки в любом случае оказывались консервативнее социальной практики и конкретных жизненных опытов.

По мере повышения брачного возраста границы девичества расширялись²¹⁸. Соответственно, для незамужних дворянок верхний рубеж этого этапа жизненного цикла формально оставался открытым, что выражалось в сохранявшейся за ними по выходе из возрастной категории собственно «взросления» юридической номинации «девица»²¹⁹, а также в социально

женщины могли только производить детей в известный период жизни и всю жизнь солить грибы и варить варенье, пока супруги порскали за зайцами». См.: *Цебрикова М. К.* Русские женщины-писательницы / Публикация Е. Строгановой // Женский вызов: русские писательницы XIX – начала XX века. Тверь, 2006. С. 264.

²¹² Например: *Сабанеева Е. А.* Указ. соч. С. 364. Вышневолоцкая дворянка Прасковья Ильинична, урожденная Языкова (1761–1818), вступила в брак с Логгином Михайловичем Манзеем (1741–1803) в возрасте 18 лет. См.: *Белова А. В.* Женщина дворянского сословия в России конца XVIII – первой половины XIX века: социокультурный тип (по материалам Тверской губернии): Дис. ... канд. культурологии. Специальность 24.00.02 – историческая культурология. М., 1999. С. 240–241. А. П. Полторацкую (1800–1879) 8 января 1817 года, по ее словам, «16 лет выдали замуж за генерала Керна» (*Керн А. П.* Воспоминания о Пушкине // Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания о Пушкине. М.: Сов. Россия, 1987. С. 33).

²¹³ Например, дворянка Рязанской губернии Варвара Александровна, урожденная Астафьева (1813–1897), вступила в брак с Александром Михайловичем Лихаревым (1809–1884) 13 августа 1833 года в возрасте 20 лет (ГАТО. Ф. 1063. Лихаревы – дворяне Зубцовского уезда Тверской губернии. Оп. 1. Д. 32. Л. 67), а тверская дворянка, «девица Елисавета Алексеева» Будаевская, в 21 год была «венчана первым браком» с 23-летним Алексеем Афанасьевичем Чебышевым 24 января 1847 года (ГАТО. Ф. 1022. Аболешевы – дворяне Новоторжского уезда Тверской губернии. Оп. 1. Д. 2. Л. 2). Е. Н. Вульф (1809–1883) было 22 года, когда состоялось ее бракосочетание с бароном Б. А. Вревским (Письмо П. А. Осиповой к А. С. Пушкину от 19 июля 1831 г. // Гроссман Л. П. Письма женщин к Пушкину. Подольск, 1994. С. 60).

²¹⁴ О. С. Пушкина (1797–1868) вышла замуж за Н. И. Павлицева в 31 год (см.: *Кушин В. В.* Ольга Сергеевна Павлицева // Друзья Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники: В 2 т. М.: Правда, 1986. Т. I. С. 45). А. И. Вульф (Нетти) (1799–1835) вступила в брак с В. И. Трувеллером в 35 лет (см.: *Черейский Л. А.* Пушкин и Тверской край: Документальные очерки. Калинин, 1985. С. 30).

²¹⁵ *Григорович Д.* Лотерейный бал // Физиология Петербурга. В. А. Недзвецкого. М., 1984. С. 227.

²¹⁶ *Дурова Н. А.* Игра судьбы, или Противозаконная любовь. Истинное происшествие, случившееся на родине автора // Дурова Н. А. Избранные сочинения кавалерист-девицы. М., 1988. С. 304.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ Ср. с выводами современных антропологов о том, что «юность в современном обществе стала пролонгированным этапом развития: момент ее окончания точно не установлен» (*Хасанова Г. Б.* Антропология: Учеб. пособ. М., 2004. С. 102).

²¹⁹ ГАТО. Ф. 59. Канцелярия тверского губернского предводителя дворянства. Оп. 1. Д. 5. Л. 27 об.; Ф. 1063. Оп. 1. Д. 32. Л. 70, 84; Д. 66. Л. 1 – 7 об.; Д. 70. Л. 1–18; Д. 72. Л. 1–7; Д. 73. Л. 1 – 2 об.; Ф. 1066. Мальковские – дворяне Бежецкого уезда Тверской губернии. Оп. 1. Д. 14. Л. 1. и др.; *Керн А. П.* Из воспоминаний о моем детстве // Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания о Пушкине. М.: Сов. Россия, 1987. С. 360, 363.

предписываемом обозначении «старая дева»²²⁰, или «старая девушка»²²¹. Нарушительницы верхней границы нормативного брачного возраста причислялись к выделяемой этнографами в традиционных культурах категории «выбившихся из ритма жизни и уже поэтому социально неполноценных людей»²²².

Представление о легитимации зрелости исключительно посредством замужества претерпело определенные изменения только у «девушек шестидесятых годов»²²³ XIX века, да и то это касалось их внутренних установок, а не доминировавших общественных взглядов. Процесс взросления уже не сводился для них к превращению в социально ожидаемую «востребованную» невесту, а выражался в обретении профессиональной пригодности²²⁴ и сопряженной с ней финансовой независимости²²⁵. Качественный рубеж между детством и девичеством ассоциировался с преодолением пассивной роли обучаемой ученицы и позиционированием себя в качестве активного субъекта, нацеленного на самореализацию и осуществление выбора на акциональном уровне²²⁶. Некоторым современникам-мужчинам казался «привлекательным» новый «тип серьезной и деловитой девушки»²²⁷, который «в обществе народился» к эпохе модернизации. Вместе с тем появление этого типа требовало от них выработки новой модели поведения по отношению к таким женщинам, в том числе и речевого, заставляло «взвешивать свои выражения»²²⁸.

До эпохи буржуазной модернизации девичество как жизненный этап осмыслялось в терминах социально навязываемого ожидания «решения участи», отождествлявшейся исключительно с замужеством²²⁹. Считалось, что и получение образования и даже придворная карьера – всего лишь подготовительные стратегии достижения главной жизненной цели женщины – выхода ее замуж. Не случайно женское среднее образование, в частности институтское, не имело профессиональной востребованности, о чем мне уже доводилось писать²³⁰. Женские институты, созданные с целью формирования в России «новой породы... матерей»²³¹ и выполнявшие функции социального призрения для девочек-сирот и дочерей неимущих или малоимущих дворян²³², репрезентировали свой конечный продукт как обладающих светскими

²²⁰ Письмо Е. Н. Ушаковой к И. Н. Ушакову от 23 мая 1830 г. // Друзья Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники: В 2 т. М.: Правда, 1986. Т. II. С. 388.

²²¹ Там же.

²²² Байбурич А. К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 65.

²²³ Достоевская А. Г. Воспоминания. М.: Захаров, 2002. С. 17.

²²⁴ «Моя заветная мечта осуществлялась: я получила работу!» (Достоевская А. Г. Воспоминания. М.: Захаров, 2002. С. 17.).

²²⁵ «Я чувствовала, что вышла на новую дорогу, могу зарабатывать своим трудом деньги, становлюсь независимой, а идея независимости для меня, девушки шестидесятых годов, была самою дорогою идеей» (Там же).

²²⁶ «...я проснулась бодрая, в радостном волнении от мысли, что сегодня осуществится давно лелеянная мною мечта: из школьницы или курсистки стать самостоятельным деятелем на выбранном мною поприще» (Там же. С. 18).

²²⁷ Достоевская А. Г. Указ. соч. С. 64.

²²⁸ А. Г. Достоевская упоминала слова мужа о впечатлении, произведенном ею на него при знакомстве: «В первое твое посещение, – продолжал он вспоминать, – меня поразил такт, с которым ты себя держала, твое серьезное, почти суровое обращение. Я подумал: какой привлекательный тип серьезной и деловитой девушки! И я порадовался, что он у нас в обществе народился. Я как-то нечаянно сказал неловкое слово, и ты так на меня посмотрела, что я стал взвешивать свои выражения, боясь тебя оскорбить» (Там же. С. 64.).

²²⁹ Лабзина А. Е. Указ. соч. С. 27, 28; Ржевская Г. И. Памятные записки // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 45, 61; Письмо М. Пуятинной к В. Л. Манзей от 13 августа 1836 г. // ГАТО. Ф. 1016. Манзей – помещики Вышневолоцкого уезда Тверской губернии. Оп. 1. Д. 45. Л. 21; Письмо М. Л. Манзей к В. Л. Манзей от 29 апреля 1836 г. // Там же. Л. 28; Письмо П. Рыкачевой к В. Л. Манзей от 11 мая 1836 г. // Там же. Л. 33; Письмо М. Л. Манзей к В. Л. Манзей от 9 мая 1836 г. // Там же. Л. 92.

²³⁰ См.: Белова А. В. Женское институтское образование в России // Педагогика. 2002. № 9. С. 76–83.

²³¹ ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12103. Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества от 12 марта 1764 г. С. 669.

²³² Подробнее см.: Белова А. В. Уездные «абитуриентки»: прием провинциальных дворянок в столичные институты // Женщины. История. Общество: Сб. науч. ст. под общ. ред. В. И. Успенской. Тверь, 2002. Вып. 2. С. 212–228.

манерами потенциальных домашних хозяек²³³. Лучшие выпускницы получали при окончании института так называемый «шифр»²³⁴ («золотой, украшенный бриллиантами вензель императрицы под короной на банте из андреевской ленты»²³⁵). Мемуаристка А. В. Стерлигова описала церемонию «раздачи шифров институткам Екатерининского института»²³⁶: «Обратившись к нашему инспектору, она (Ее Величество. – А. Б.) приказала читать фамилии награжденных девиц, а принц подавал шифры, и каждая из десяти по очереди подходила, становилась на левое колено на скамеечку и подставляла левое плечо Императрице, которая прикалывала собственноручно булавкой, подаваемой ей фрейлиной; после чего каждая, поцеловав ручку Ее Величества, отвечала на вопросы, а потом, сделав низкий реверанс, отходила задом на свое место к окну, где и была удостоиваема милостивыми разговорами присутствующих особ царской фамилии»²³⁷. «Шиферницы»²³⁸, как их называли, могли рассчитывать на придворную карьеру фрейлины (не случайно мемуаристки употребляли выражение «фрейлинский шифр»²³⁹, или «шифр фрейлины»²⁴⁰) с последующей перспективой опять-таки «составить блестящую партию»²⁴¹. Именно поэтому многие дворянки ценили фрейлинский шифр не как признание образовательных достижений, индивидуальных заслуг, публичного статуса, а как способ устранения финансовых препятствий к замужеству. По словам В. Н. Головиной, ее «belle-sœur»²⁴², княгиня Голицына, «хотела, чтобы ее старшая дочь получила шифр, потому что с этим отличием связывалось приданое в двенадцать тысяч рублей»²⁴³. Вместе с тем на рубеже XVIII–XIX веков, «в начале царствования императора Павла Петровича», в среде провинциального дворянства все еще был распространен «мужской» взгляд на женское образование как на недостойную альтернативу замужеству:

«Прадед... за порок считал, чтоб русские дворянки, его дочери, учились иностранным языкам.

– Мои дочери не пойдут в гувернантки, – говорил Алексей Ионович. – Они не бесприданницы; придет время, повезу их в Москву, найдутся женихи для них»²⁴⁴.

Получение образования воспринималось как своего рода вынужденная «стратегия выживания» для дворянок с низким уровнем материального достатка, которые в силу этого не могли рассчитывать на выход замуж, то есть на реализацию нормативного жизненного сценария.

²³³ Например, в одном из стандартных свидетельств об окончании Смольного института за 1812 год говорилось: «...Благородная девица Аграфена Васильевна Мацкевичева как в поведении приличном благовоспитанным, и в приобретении знаний, наук и рукоделий соответственных ей полу с касающимися до нужного домоводства упражнениями, своим вниманием и прилежанием достигла до отменного успеха...» (ГАТО. Ф. 1233. Кафтырева Агриппина Васильевна (1796–1892) – дворянка Тверской губернии. Оп. 1. Д. 1. Л. 1).

²³⁴ Стерлигова А. В. Воспоминания // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 123–125. Также см.: Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 80.

²³⁵ Дворянские роды Российской империи. СПб., 1993. Т. 1: Князья. С. 68.

²³⁶ Стерлигова А. В. Указ. соч. С. 124.

²³⁷ Стерлигова А. В. Указ. соч. С. 125.

²³⁸ Там же. С. 124–125.

²³⁹ Муханова М. С. Из записок Марии Сергеевны Мухановой // Русский архив. 1878. Кн. 1. Вып. 2. С. 320.

²⁴⁰ Головина В. Н. Мемуары. М.: АСТ, 2005. С. 20, 119.

²⁴¹ Шепелев Л. Е. Придворные чины и звания в дореволюционной России в связи с их значением для исторических исследований // ВИД. Л., 1976. Т. VIII. С. 161.

²⁴² Невестка (фр.).

²⁴³ Головина В. Н. Указ. соч. С. 380.

²⁴⁴ Сабанеева Е. А. Указ. соч. С. 363.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.